

К 90-летию со дня рождения А. Г. Кузьмина

DOI: 10.24411/ 2618-9674-2018-10001

Королев А. С.

Аполлон Григорьевич Кузьмин
(1928-2004)

В 1958 г. на кафедре источниковедения исторического факультета Московского государственного университета появился немолодой тридцатилетний аспирант Аполлон Григорьевич Кузьмин. Поступление в аспирантуру далось непросто — слишком большой была конкуренция, которую составили скромному сотруднику Рязанского областного краеведческого музея выпускники самого университета (ведь у каждого из них были не только надежды и амбиции, но и определенные связи на родном истфаке). Много позднее А. Г. с грустной усмешкой вспоминал, какие усилия предпринимали и поступающие, и принимающие экзамены, дабы помешать успеху энергичного провинциала, который к заветной цели «шел как танк»¹. Их усилия оказались напрасны. Любопытно, что знаменитый историк академик Михаил Николаевич Тихомиров, ставший научным руководителем Кузьмина, выслушав как-то повесть ученика о его прорыве в аспирантуру, начал было возмущаться («какие подлецы!»), а затем вдруг осекся и сообщил пораженному А. Г.: «А ведь это я распорядился, чтобы так сделали. Меня обманули, сказали: какой-то дуб из Рязани лезет — вот я и решил помешать...»².

В оценке, которую за глаза дали А. Г. Кузьмину конкуренты, сказались пренебрежение к провинциальному Рязанскому педагогическому институту, который окончил А. Г.³.

Поступление в аспирантуру, едва не сорвавшееся, стало шагом, определившим всю последующую жизнь героя данного очерка, который к тому времени уже

¹ Такое определение происходившему дал Л. В. Чекурин — земляк А. Г. Кузьмина, оставивший интересные воспоминания о его молодости. См.: *Чекурин Л. В. Аполлон Кузьмин: в студенческие и профессорские годы // Научное наследие А. Г. Кузьмина и отечественная история: Материалы Всероссийской научной конференции «Историческая память народа и духовно-нравственные основы личности», посвященной памяти и 80-летию со дня рождения проф. А. Г. Кузьмина, 17-19 сентября 2008 года. Рязань, 2009. С. 14.*

² Здесь и далее отсутствие указания на источник означает, что информация была сообщена автору настоящего очерка непосредственно А. Г. Кузьминым.

³ Сравните показательную фразу из мемуаров А. А. Зимина: «Аполлон кончил что-то в Рязани» (*Зимин А. А. Храм науки (Размышления о прожитом). Москва, 1976 // Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX века. М., 2015. С. 220).*

несколько раз пытался найти свой путь и каждый раз терпел досадную неудачу. Аполлон Григорьевич Кузьмин родился 8 сентября 1928 г. в селе Высокие Поляны Пителинского района Рязанской области в семье сельского фельдшера. Фельдшером был и дед А. Г. по линии матери, так что собственно крестьянской семья Кузьминых уже не была. Впрочем, известно, что русские сельские полуинтеллигенты не гнушались сельскохозяйственными работами — заставляла скудная жизнь. Отсюда и позднейшие воспоминания А. Г. о его вовлеченности в эти работы, о том, как он косил, как они вдвоем с дедом построили коровник и т. д. Деревенское детство на Оке, озера, рыбалка, купание оставили о себе в памяти А. Г. яркое, светлое впечатление. Соседи ценили успехи мальчика в игре на балалайке (звали играть на посиделках и свадьбах). Он рано научился читать, читал всё, что попадалось, но любил вспоминать себя пяти-шестилетним, читающим вслух газету деду Аполлону Ивановичу, к которому был очень привязан, и который стал для внука высшим авторитетом. В войну, как и все в колхозе, работал в поле. Окончив педагогическое училище⁴, А. Г. вернулся в деревню и стал работать учителем в школе сельской молодежи, преподавая практически все предметы. В школе обучались те, кого нужно было дотянуть до уровня образовательного минимума, определенного тогда в СССР. Многие бросили учиться еще в войну. А. Г. позднее с юмором вспоминал свой тогдашний педагогический опыт. Среди его баек мне запомнилась история про то, как ученики по заданию учителя пытались всем классом правильно написать слово «оттуда», долго спорили, разделились на группы, смеялись друг над другом, и в конце концов, отвергнув неверный вариант «оттудва», предложили растерявшемуся А. Г. «правильный»: «от тудова».

Кузьмин хотел получить высшее образование. Как видно, решение стать историком пришло не сразу. Впоследствии в беседах с учениками А. Г. мельком оговаривался, что поступал и даже некоторое время учился в каком-то техническом вузе. Уход из него он связывал с «пятном» в анкете: его старший брат, побывавший в плену, был в 1946 г. арестован, осужден и освобожден, с реабилитацией, в период «оттепели», отбыв восемь с половиной лет. С этого времени А. Г. с сомнением относился к личности И. В. Сталина, хотя, встречаясь со сталинистами, не стремился их переубедить, предпочитая с усмешкой отмалчиваться. Сталин не был «его периодом», но в своих лекциях и работах Кузьмин критически отзывался об Иване Грозном и Петре Великом — государственных деятелях, с которыми принято ставить в один ряд и Сталина. Обладатели неограниченной власти вызывали у него неприятные опасения, поскольку, как он писал много позднее, «не только государственный разум, но и чувство ответственности далеко не всегда соответствуют занимаемой должности. И чем безграничнее власть, тем она легче превращается в антигосударственную и антиобщественную»⁵. Показательно, что выступив в середине 1990-х гг. одним из организаторов издания учебного пособия «Великие государственные деятели России», А. Г. настаивал на том, чтобы ни Ивану IV, ни Петру I в нем не нашлось места. Для эпохи первого Кузьмин подготовил очерк «Адашев и Сильвестр», для первой половины XVIII в. — «Василий Никитич Татищев». Но вернемся в 1950-е гг.

В 1952 г. А. Г. поступил на исторический факультет Рязанского педагогического института. По поводу этого своего позднего (в 24 года) выбора Кузьмин шутил, объясняя его чуть ли не случайностью, говоря, что даже во время учебы на истфаке его больше интересовали философия (с неизбежными политическими выводами),

⁴ Чекурин Л. В. Аполлон Кузьмин. С. 11.

⁵ Кузьмин А. Г. Адашев и Сильвестр // Великие государственные деятели России. М., 1996. С. 125.

игра на гитаре и шахматы. Труды философов-классиков он изучил хорошо, понимая и впоследствии удачно цитируя не только Маркса и Ленина, но и Канта, Гегеля и др. Изучения одной истории А. Г. было поначалу мало, и, «отучившись первую смену на историческом факультете, он приходил во вторую смену и учился на факультете иностранных языков, посещая все занятия на французском отделении»⁶. Доведя себя этим до физического истощения, Кузьмин, наконец, отказался от мечты получить образование сразу на двух факультетах. Но интерес к языкам сохранил на всю жизнь. Шестиструнная (а позднее семиструнная) гитара стала еще одним увлечением на всю жизнь. А. Г. начал заниматься у известного в Рязани преподавателя, виртуоза своего дела Л. Н. Грушо-Новицкого, дававшего уроки игры на классической шестиструнной гитаре в Рязанском музыкальном училище. Это был человек не от мира сего. В Рязани говорили, что, будучи одновременно и преподавателем Рязанского филиала Московского государственного института культуры, Грушо-Новицкий отказался получать за свою работу зарплату, распорядившись переводить ее в фонд мира. А. Г. Кузьмина он поразил, явившись на первое занятие, держа в руках шапку-ушанку наполненную гвоздями. Судя по рассказам, у Кузьмина еще с деревенского детства вызывали симпатию такие вот «чудаки» (или «чудики»), странные люди. А. Г. начал делать успехи, участвовал в концертах самодеятельности, музыкальных смотрах. В компаниях он не только играл на гитаре, но и пел, и был довольно популярен. А. Г. обладал не очень сильным, но приятным баритоном. Круг общения, который появился у Кузьмина, оказывал большое влияние на его мировосприятие. Сокурсников он удивлял исполнением не только шуточных студенческих, но и лагерных, белогвардейских и прочих политических (или антисоветских) песен. Для многих существование такого пласта в культуре становилось откровением. По большому счету, в своем отношении к власти Кузьмин с юности был скрытым диссидентом. Обучение на истфаке в условиях начинавшейся «оттепели», судьба брата, встречавшиеся ему и привлекавшие «чудики» — все это формировало у А. Г. своеобразное восприятие окружающей действительности, ощущение ее двойственности, того, что реально условно, а за ней может скрываться нечто другое, противоречащее официальному, общепринятому взгляду на мир. Это приводило к тому, что Кузьмин с интересом относился ко многим идеям, которые в советском (да и не только в советском) обществе определялись как маргинальные.

То, что у жизни может быть двойное дно, А. Г. усвоил из истории с другим своим увлечением — шахматами. Если гитара была хобби, из которого кроме удовольствия, в общем, ничего выйти не могло, то шахматы воспринимались как нечто большее. А. Г. и здесь делал быстрые успехи, стал кандидатом в мастера спорта СССР, занимал призовые места на российских соревнованиях общества «Урожай» (получил чемпионский титул ДСО «Урожай»), стал чемпионом области, чемпионом России среди сельских шахматистов. Казалось, его ждет большая шахматная карьера. И все, как он вспоминал, испортил разговор А. Г. с неким влиятельным в местном шахматном мире человеком, который раскрыл молодому человеку глаза на изнанку этого мира, поставив определенные условия, в том числе и материального характера. Их выполнение, якобы, только и могло позволить Кузьмину двигаться дальше.

⁶ Чекурин Л. В. Аполлон Кузьмин. С. 11.

Трудно судить, от имени кого выступал этот человек (если он вообще выступал от кого-то, кроме себя), насколько его предложение было обосновано его возможностями и, наконец, насколько правильно понял его Кузьмин. Однако с большими шахматами он завязал, окончательно поверил, что у видимого мира есть тайная, теневая сторона, и, наконец, сосредоточился на истории.

В 1956 г. А. Г. окончил Рязанский ГПИ (тогда обучение в пединституте было четырехлетним) и приступил к работе научным сотрудником в Рязанском областном краеведческом музее. Зарплата была скромная — 400 рублей (речь идет о времени до денежной реформы 1961 г.), и Кузьмин параллельно устроился преподавать в школу рабочей молодежи. В музее он работал с увлечением, водил интересные экскурсии по территории рязанского кремля. Впоследствии, в ходе спецсеминаров для студентов, А. Г., рассуждая о научной добросовестности, любил приводить в пример Д. И. Иловайского, который во время работы над «Историей Рязанского княжества» обошел пешком всю Рязанщину. Вероятно, Иловайский, имевший репутацию крайнего монархиста и черносотенца, в советское время почти забытый, привлек тогда внимание Кузьмина-краеведа именно этим своим исследованием. Удивительно то, что историей своей жизни А. Г. в чем-то повторил судьбу Иловайского.

Став учеником М. Н. Тихомирова, перебравшись в Москву, Кузьмин попал в самый водоворот горячих дискуссий периода «оттепели». Участвуя в спорах, разгоравшихся по вечерам в общежитии МГУ, где он поселился, А. Г., вероятно, впервые задумался об отличительных чертах русского национального характера. Поводом стало общение со стажером-американцем, который, живя в том же общежитии, с недоумением относился к спорам русских между собой, удивляясь тому, сколько его новые знакомые готовы потратить времени, как ему казалось, впустую. Со временем проблема «мы и они» выльется у А. Г. в целое исследование, и он сформулирует три наши «отличительных черты»: 1) «непонятная на Западе жажда общения», 2) «разные системы нравственных ценностей и форм общения», 3) стоящее за ними «существенно разное отношение к частной собственности». Отсюда вытекало то, что «на Руси письменные законы имели гораздо меньшее значение, нежели обычное право». Поэтому «сохранялось противостояние Власти и Земли, причем в качестве одной из кардинальных черт социально-политической жизни и основы своеобразной психологии: приверженность государственности проецируется на монарха, а отрицательное отношение к внешней власти концентрируется на низших чинах администрации и бюрократии, т. е. на тех представителях власти, с которыми гражданам приходится непосредственно иметь дело». А. Г. Кузьмин и пытался определить исторические истоки всех этих отличий и особенностей⁷. На теоретический уровень обобщений он вышел только через несколько десятилетий, а в аспирантуре под руководством М. Н. Тихомирова погрузился в проблемы летописания.

С М. Н. Тихомировым у А. Г. сложились теплые отношения, что, безусловно, должно было стать залогом и научного роста и роста в науке. За два года до приезда Кузьмина в Москву вторым дополненным изданием вышла книга академика «Древнерусские города». Кузьмин эту работу внимательно прочел и знал, что информации в ней о Переяславле Рязанском немного⁸. Вероятно, своим интересом к истории Рязани А. Г. и сумел расположить к себе Тихомирова. Не случайно первая опубликованная (в 1959 г.) Кузьминым статья была посвящена кремлю Переяславля Рязанского⁹.

⁷ Кузьмин А. Г. Истоки русского национального характера // Вестник Московского университета. Серия 8, История. 1993. № 5. С. 13-14.

⁸ Чекурин Л. В. Аполлон Кузьмин. С. 13.

⁹ Кузьмин А. Г. Некоторые данные по топографии и похеологии кремля Переяславль-Рязанского // Краеведческие записки. Рязань, 1959. С. 94-105.

В доме академика любили шахматы и были непрочь послушать игру А. Г. на гитаре. Тихомиров жил один, и, как писала об учителе Е. В. Чистякова, «аспиранты были в полном смысле семьей Михаила Николаевича: он знал о них все, он делился с ними результатами своей работы и научными планами». Конечно, у Тихомирова были родственники, «он всегда принимал у себя братьев с семьями, помогал им и племянникам, на даче у него гостили родственники. Шутя он называл такое общение «родственным комитетом». В преклонных годах он страдал от неухоженности и отсутствия дома родной руки»¹⁰. А. А. Зимин, докторант М. Н. Тихомирова 1950-х гг., в своих мемуарах пишет о потребительском отношении родственников к академику и о его взаимном отношении к ним с известной долей презрения. Зимину уклад жизни Тихомирова не понравился: «Для патриархальной обстановки на Котельнической характерна бесконечная вереница посетителей. То брат, то племянник... То универсанты, то ученики. То просители-посетители... То осерчает всерьез после того, как кто-нибудь выиграет ненароком к нему в шахматы или в карты»¹¹. Иначе расставляла акценты Е. В. Чистякова: «Вечерами Михаил Николаевич, как правило, только в исключительных случаях работал. Вот тут-то и наступало время для прихода аспирантов, сверстников, коллег. Интересный разговор всегда перемежался шуткой, забавным рассказом о летнем путешествии. В поездках по историческим местам Михаила Николаевича обычно сопровождали его ученики»¹². Кузьмин втянулся в эту жизнь «при учителе», занял в кругу приближенных определенное место, взяв на себя, как сам позднее вспоминал, функцию организации всех этих бесконечных посиделок и разговоров.

За удовлетворением жажды общения, в суете новой московской жизни пролетел срок обучения в аспирантуре, а диссертация защищена не была. Тихомиров устроил ученика в Институт истории АН СССР, в Группу по изданию Полного собрания русских летописей, которую возглавлял. Это случилось в 1961 г. Рубеж 1950-60-х гг., когда происходило формирование Кузьмина как ученого, был особым временем в советской исторической науке. Исследователи устали от недавно господствовавшего догматизма. Всех охватила жажда факта, желательна нового факта, получить который можно было только из источника — нового или по-новому прочитанного. Сама жизнь, казалось, подтверждала возможность этого. В 1951 г. в Новгороде была найдена первая берестяная грамота, потом их находки пошли одна за другой (в археологический сезон 1951 г. — 10 грамот, в 1952 г. — уже 73)¹³. На глазах рождалось новое направление в исторической

¹⁰ Чистякова Е. В. Михаил Николаевич Тихомиров (1893-1965). М., 1987. С. 29-30.

¹¹ Зимин А. А. Храм науки. С. 165.

¹² Чистякова Е. В. Михаил Николаевич Тихомиров. С. 30.

¹³ Кочин Г. Е. Берестяные грамоты // Советское источниковедение Киевской Руси. Историко-графические очерки. Л., 1979. С. 57.

науке — берестология. По результатам первых находок в 1953 г. А. В. Арциховским и М. Н. Тихомировым была издана книга «Новгородские грамоты на бересте: (Из раскопок 1951 г.)». В том же году усилиями Тихомирова на историческом факультете МГУ была организована кафедра источниковедения истории СССР. И тогда же было опубликовано тихомировское «Пособие для изучения Русской Правды». Тихомиров всеми силами способствовал пробуждению интереса к поиску новой информации о прошлом, к копанию в источниках, уходу от схем. В 1957 г. им был основан «Археографический ежегодник». А вышеупомянутая Группа по изданию ПСРЛ возникла по его же инициативе в 1959 г. И в 1960-х гг. благодаря ее деятельности вышло репринтное переиздание ПСРЛ, начался значительно ускорившийся выпуск новых томов. А в 1962 г. положено начало публикации «Истории Российской» В. Н. Татищева, не издававшейся с XVIII в. Издание готовилось под редакцией А. И. Андреева (не дожившего до выхода первого тома) и все того же М. Н. Тихомирова.

Интересы, которыми жил академик в начале 1960-х гг., оказали на ученика огромное влияние, во многом определив основные направления его научных изысканий. Не случайно вниманием А. Г. Кузьмина тогда завладели «татищевские известия». Тихомиров во вступительной статье к первому тому «Истории Российской» решительно выступил в защиту научной репутации первого русского историка. В середине XX в. мало кого, кроме специалистов, по истории XVIII в., интересовало мнение Татищева по поводу описываемых им событий скажем XI-XIII вв. Необходимо было, прежде всего, дать «отчет в том, действительно ли В. Н. Татищев пользовался такими источниками, которые до нашего времени не дошли или остаются до сих пор не найденными в архивах и библиотеках»¹⁴. В статье Тихомиров решает этот вопрос однозначно в пользу Татищева. Он признает «особую ценность «Истории Российской», так как некоторые произведения, использованные Татищевым, явно погибли во время пожара в его усадьбе в селе Болдино. Их нельзя отыскать в современных древних хранилищах, в отличие от большинства исторических сочинений, использованных позднее Н. М. Карамзиным, основывавшим свои исследования на государственных архивах и библиотеках. Они погибли для науки безвозвратно...»¹⁵. Первые две книги труда Татищева, посвященные русской истории IX-XII вв. объявлялись «летописным сводом, составленным Татищевым», и «важнейшим первоисточником»¹⁶.

Кузьмин не только целиком и полностью принял взгляды учителя на «татищевские известия», но и в специальной статье обрушился с критикой на С. Л. Пештича, который в первом томе своей «Русской историографии XVIII века» (вышедшем в свет в 1961 г.) писал о недостоверности оригинальных известий Татищева, основанных на его «вымыслах». Статья эта содержала и размышления А. Г. на тему возможности использования в исследовании «нелетописных источников» вообще, поскольку и «любой летописный свод включает в свой состав, помимо летописных записей, актовый материал, сказания, жития, предания и другие источники, достоверность которых требует той или иной проверки»¹⁷. Из известий Татищева Кузьмин надеялся «извлечь древнейшие летописные традиции»¹⁸.

Поиск этих неизвестных «летописных традиций» и становится главной задачей А. Г. Сначала исследователь углубился в изучение Симеоновской и, особенно,

¹⁴ Тихомиров М. Н. О русских источниках «Истории Российской» // Татищев В. Н. История Российская. Т. 1. М., 1994. С. 39.

¹⁵ Там же. С. 41.

¹⁶ Там же. С. 52-53.

¹⁷ Кузьмин А. Г. Об источниковедческой основе «Истории Российской» В. Н. Татищева // Вопросы истории. 1963. № 9. С. 217.

¹⁸ Там же. С. 218.

Никоновской летописей (в последней, как известно, содержится много оригинальных известий по истории Древней Руси, которые могли служить отражением «летописных традиций»), посвятив каждой из них по статье¹⁹. Но их изучение было лишь частью работы над основной темой, которую избрал для себя Кузьмин, — «родное» рязанское летописание. В мае 1963 г. он, наконец, без особых сложностей защитил в Московском университете на кафедре источниковедения истории СССР кандидатскую диссертацию «Рязанское летописание. (Сведения летописей о Рязани и Муроме периода их самостоятельности)». Научным руководителем по-прежнему был обозначен М. Н. Тихомиров. С отзывами выступили Н. Н. Воронин и А. А. Зимин. И уже через два года на основе диссертации А. Г. Кузьминым была опубликована монография «Рязанское летописание. Сведения летописей о Рязани и Муроме до середины XVI века» (небольшим по советским меркам тиражом в 2400 экземпляров).

В своем исследовании А. Г. попытался «определить место рязанского летописания в общей системе сводов». Но не только. Если «А. А. Шахматов и многие его последователи рассматривали летописи как литературные памятники, оперируя, как правило, только понятием «свода», то «для историков... важно установить происхождение и достоверность отдельных сведений летописей». Кузьмин считал очевидной необходимость неких специальных исследований, «которые связывали бы довольно абстрактную генеалогическую схему сводов с конкретным историческим материалом летописей по тем или иным вопросам». Задачу своей работы он видел в «выявлении и рассмотрении с точки зрения происхождения и достоверности всех летописных известий о Рязани и Муроме периода их самостоятельности»²⁰.

В результате в состав восстанавливаемого им рязанского летописания А. Г. включил не только летописные известия, но и сведения из родословцев, «Рязанских Достопамятностей» конца XVIII в. и даже «припоминания» краеведов XIX в. Все его источники, как достоверные, так и не вполне, позволили соискателю степени составить максимально полную подборку известий о Рязани и Муроме в период средневековья. Особое место в труде заняли сведения, почерпнутые из Никоновской и Симеоновской летописей и «Истории Российской», в которых, по мнению исследователя, отразились особые летописные традиции. Методика исследования Кузьмина была проста — он видел в любых известиях летописей о Рязани и Муроме, желательно расположенных «компактно», отражение рязанского или муромского летописания, утерянного, но известия, из которого отразились в иных летописных традициях. Так, по мнению исследователя, «с наибольшей полнотой известия о Муроме представлены в «Истории» В. Н. Татищева, где имеются не только отдельные сведения, но и рассказы общерусского содержания, в которых акцентируется внимание на Муроме». Эти татищевские тексты Кузьмин считал возможным «естественно связывать с Муромской летописью, упоминаемой В. Н. Татищевым», правда, оговаривая, что «следует считать а и с возможностью того, что некоторые известия о Муроме могли быть записаны в Чернигове и позднее в Ростове или Владимире. Из некоторых недошедших сводов общерусского содержания, по-видимому, были заимствованы и многие оригинальные сведения В. Н. Татищева, хотя сами первоначальные записи восходят, возможно, к этим

¹⁹ Кузьмин А. Г. Заголовки и киноарные заметки на полях рукописи Симеоновской летописи // Вестник Московского университета. Серия IX: История. 1961. № 5. С. 70-79; Кузьмин А. Г. К вопросу о времени создания и редакциях Никоновской летописи // Археографический ежегодник за 1962 год. М., 1963. С. 111-120.

²⁰ Кузьмин А. Г. Рязанское летописание. (Сведения летописей о Рязани и Муроме периода их самостоятельности). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1963. С. 3.

центрам»²¹. А. Г. Кузьмин уверенно выделял из летописей все «прорязанские» тексты, тексты с «прорязанской окраской», имеющие «прорязанский акцент», составленные «прорязанским автором» и т. д., отмечая появление в общерусских летописных сводах «волн сведений о Рязани». Выстроив все отобранное в хронологической последовательности, исследователь определил, что сведения эти «в древнейших из дошедших летописных традиций появляются более или менее систематически только с конца XII в. Точность и конкретность отражения событий XIII в. свидетельствуют о значительной непрерывности летописных записей в Рязани в то время. Но и в тот период они, по-видимому, не носили характера регулярных и систематических погодных записей. Можно выделить ряд групп и отдельных рассказов, имеющих, по всей вероятности, различное происхождение». Лишь с конца XIV и в первом десятилетии XV в. «налаживается регулярное ведение записей и, возможно, делаются попытки свести предшествующий летописный материал (с середины XIV в.)»²². В общем, «рассмотрев все летописные известия о Рязанско-Муромской земле», Кузьмин пришел к заключению, «что особой летописной традицией в обоих центрах не существовало»²³.

В первой книге Кузьминым была высказана мысль, в последующем игравшая важную роль во всех трудах ученого по летописанию: «Одна из главных задач исследователя в определении ценности содержания и достоверности известий — установление их тенденции. Снятие наслоения тенденциозности, как правило, выявляет ту запись или то событие, которое подвергалось искажению. Кроме того, тенденциозность сама по себе является ценным источником для выяснения воззрений тех или иных политических кругов в определенное время»²⁴. Мысль, можно сказать, программная. В этой работе, в общем-то, «сырой», содержится много интересных частных фактов, но, вероятно, занимаясь исследованием периферийного летописания, А. Г. Кузьмин мечтал найти принципиально новый источник, а не просто его реконструировать, используя уже имеющиеся и даже изданные. Это особенно заметно из слегка наивных сетований А. Г., что ему не удалось-таки «найти «Пронский летописец», упоминаемый в каталоге рукописей А. Сулакадзева». И хотя «А. Сулакадзева имеет печальную репутацию фальсификатора древних рукописей... в его собрании были и безусловно древние и интересные рукописи»²⁵.

В 1964 г., вскоре после защиты диссертации, А. Г. неожиданно уезжает в Рязань и становится доцентом в родном педагогическом институте. А. А. Зимин сообщает, что отъезд Кузьмина был вызван ссорой с Тихомировым, который «перед смертью», якобы, «сослал» (или «прогнал») Кузьмина на родину за «безделье», «ибо тот лентяйничал, готовя... один из томов ПСРЛ»: «Играет себе, понимаете ли, на гитаре. Нет, чтобы летописями заниматься»²⁶. С разрывом между учеником и учителем Зимин уязвляется и отказ Тихомирова выступить редактором «Рязанского летописания»²⁷. Все знавшие Тихомирова лично в воспоминаниях отмечают его непростой характер. Зимин пишет о капризах старика. Е. В. Чистякова расставляет акценты иначе: М. Н. «был очень требовательным и взыскательным руководителем, и не все выдерживали напряженное общение с ним. С тем же, с кем он ни в профессиональном,

²¹ Кузьмин А. Г. Рязанское летописание. Сведения летописей о Рязани и Муроме до середины XVI века. М., 1965. С. 181.

²² Там же. С. 282

²³ Кузьмин А. Г. Рязанское летописание... Автореферат диссертации. С. 18.

²⁴ Кузьмин А. Г. Рязанское летописание... М., 1965. С. 284.

²⁵ Там же. С. 54-55.

²⁶ Зимин А. А. Храм науки. С. 164, 220

²⁷ Там же. С. 220.

ни в нравственном отношении не сходилась, он решительно и без сожаления расставался»²⁸. В 1964 г. Тихомиров менее всего мог упрекать своего ученика за безделье. Только что была защищена диссертация, а двадцать девятый том ПСРЛ, для которого Кузьминым были подготовлены к печати тексты Александро-Невской и Лебедевской летописей, благополучно вышел в свет в 1965 г. К этому тому А. Г. совместно с М. Е. Бычковой был составлен и именной указатель²⁹. Работа велась очень тщательно, А. Г. вспоминал: «члены группы, чтобы избежать ошибок, поочередно, друг за другом, по несколько раз вычитывали тексты»³⁰. Так что никто никуда не спешил. И все же, поскольку в двадцать девятом томе был опубликован и текст Летописца начала царства, подготовленный к печати М. Е. Бычковой и А. А. Зиминным, можно счесть последнего достаточно информированным мемуаристом и допустить (с учетом характеристик, даваемых Тихомирову), что какое-то осложнение между учителем и учеником действительно имело место. Но Зимин, вероятно, несколько сгустил краски — вряд ли имел место разрыв отношений, иначе Тихомиров не только не взялся бы редактировать книгу Кузьмина, но, и, как пишет сам же Зимин, не попросил «это сделать милейшего безропотного Н. Н. Улащика»³¹. Возможно, Тихомиров поступил так в силу занятости. Мы не знаем сколько «Рязанское летописание» готовилось к изданию. В советское время книги выходили долго. Напомню, Кузьмин защитился в мае 1963 г. Наверное, для того, чтобы в издательстве «Наука», в котором была опубликована монография А. Г. (кстати, как издание Института истории АН СССР), был решен вопрос о ее публикации (и необходимости редактирования) после защиты должно было пройти время. Учитывая известные издательские сложности советского времени, о которых пишет и сам А. А. Зимин, кто-то должен был лоббировать столь скорое решение о публикации (всего через два года после защиты). Кто же это мог быть, если не М. Н. Тихомиров?! В мае 1964 г. у академика случился инфаркт миокарда, а восстановившись, М. Н. задумался о судьбе своей библиотеки и архива. Ими Тихомиров и занялся, вернувшись домой из больницы. Монография Кузьмина была сдана в набор 15 февраля 1965 г., а подписана к печати 17 мая 1965 г. Летом 1965 г. М. Н. сломал бедро, после чего уже не оправился. 2 сентября его не стало³².

Незадолго до смерти Тихомиров совершал довольно принципиальные поступки. Приведу рассказ Кузьмина (который и сам слышал от А. Г.) в передаче Л. В. Чекурина: «Сердечный приступ, случившийся у М. Н. Тихомирова, заставил врачей поместить его в больницу. Он оттуда благополучно сбежал и, появившись внезапно дома, увидел, что его драгоценные шкафы с древними рукописями опечатаны печатью академии. В академии знали о бесценной коллекции историка и позаботились о ее безопасности... М. Н. Тихомиров затаил обиду, что опечатали архив в его квартире, не поговорив с ним. Когда пришло время, он безвозмездно завещал свой архив Сибирскому филиалу АН и лично своему ученику Н. Н. Покровскому»³³. В тех условиях решение М. Н. Тихомирова как-то поддержать издание книги ученика может быть свидетельством как раз не опалы, а милости с его стороны. Сам же А. Г. сохранил об учителе самые теплые воспоминания и объяснял свое возвращение в Рязань желанием заняться преподаванием (все-таки, по образованию он был учителем). Кроме того (и это, наверное, главное) его

²⁸ Чистякова Е. В. Михаил Николаевич Тихомиров. С. 28.

²⁹ Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича. Александро-Невская летопись. Лебедевская летопись. (Полное собрание русских летописей. Т. XXIX). М., 2009. С. 7.

³⁰ К семидесятилетию выдающегося русского историка А. Г. Кузьмина // Сборник Русского исторического общества. Т. 9 (157). М., 2003. С. 320.

³¹ Зимин А. А. Храм науки. С. 220.

³² Чистякова Е. В. Михаил Николаевич Тихомиров. С. 35-36.

³³ Чекурин Л. В. Аполлон Кузьмин. С. 14-15.

«тяготила жизнь без своего угла в Москве»³⁴. Первый, рязанский брак Кузьмина, в котором у него родилась дочь Ирина, распался. Во время московской жизни А. Г. женился второй раз, и в мае 1962 г. в этом браке родилась его вторая дочь Татьяна. Вероятно, личные обстоятельства также сказались на том, что защита Кузьминым диссертации задержалась. Местом рождения Татьяны стал город Климовск Подольского района Московской области³⁵. Ездить отсюда в Москву и возвращаться обратно, было сложно,

да и условия для жизни молодой семьи оставляли желать лучшего. 36-летний глава семейства должен был найти выход из положения. Ректор РГПИ, сманивая перспективного ученого в родные края, обещал решить жилищную проблему. Насчитывавшая почти триста тысяч жителей, всем известная, родная Рязань была, безусловно, привлекательнее тридцатитысячного подмосковного Климовска. Достойным было и положение, которое предлагалось занять А. Г. на родине. А в резких словах М. Н. Тихомирова, вероятно, действительно сказанных, скорее всего, отразилась обида на ученика, вдруг оставившего академическую науку.

В мемуарах А. А. Зимина А. Г. Кузьмин появляется в сугубо негативном свете. А. А. не стесняется в выражениях. Впрочем, столь же раскован он и в характеристиках, даваемых большинству персонажей своих записок. Обязательным показателем его оценки служит поведение того или иного коллеги в истории с обсуждением монографии Зимина, посвященной «Слову о полку Игореве». В случае с Кузьминым ощущается и обида на неблагодарность, за которую мемуарист, в общем, справедливо, мог упрекнуть А. Г. Если Н. Н. Воронину Кузьмин был идеологически близок и по-человечески симпатичен, то Зимину ни идеи («охотничья философия»), ни методы («варварская методика») исследования А. Г., да и сам он, категорически не нравились. «Его (А. Г. Кузьмина — А. К.) кандидатская — рязанское летописание, — пишет Зимин в мемуарах, — примитив: если есть в Никоновской, у Татищева, в «Рязанских достопамятностях» и т. п. сведения о Рязани, значит, это отголоски недошедших до нас рязанских летописей»³⁶. Однако А. А. написал на исследование А. Г. положительный отзыв — «санкционировал (по просьбе М. Н.) своим выступлением его ахиною, не предполагая последствий, к которым это приведет»³⁷. Но вот в феврале 1963 г. на заседании Сектора древнерусской литературы ИРЛИ АН СССР состоялся полуторачасовой доклад А. А. Зимина «К изучению «Слова о полку Игореве», а в мае 1964 г. (через год после защиты А. Г. Кузьминым кандидатской диссертации) произошло знаменитое обсуждение скандальной книги в отделении истории АН СССР. Почти все пятьдесят выступивших специалистов осудили точку зрения Зимина,

³⁴ Киселев А. Ф. «Я человек слишком российский по своему воспитанию» // Великие духовные пастыри России. М., 1999. С. 8.

³⁵ Аксенова Г. В., Волков В. А. Назарова Татьяна Аполлоновна // Назарова Т. А. Общественно-политические взгляды Ю. Ф. Самарина. М., 1998. С. 166.

³⁶ Зимин А. А. Храм науки. С. 220.

³⁷ Там же. С. 220.

доказывавшего позднее происхождение «Слова». Зимин ответил несколькими статьями, появившимися в различных научных журналах. Его продолжили критиковать. Среди критиков был и академик Б. А. Рыбаков, после кончины М. Н. Тихомирова возглавивший Группу по изданию ПСРЛ и решивший покровительствовать жившему в провинции А. Г. Кузьмину. Для А. Г. поддержка столь влиятельного лица была очень важна. Поэтому, когда в 1968 г. Б. А. Рыбаков предложил А. Г. написать критическую статью против концепции А. А. Зимина, Кузьмин согласился, усмотрев в построениях Зимина покушение на дорогие ему «нелетописные источники»³⁸. В этой статье говорилось и про то, что Зимин без возражений проигнорировал в своих публикациях большую часть сделанных ему в ходе дискуссии справедливых замечаний³⁹, отмечались «неверные ссылки», имевшиеся в работах исследователя⁴⁰, «ошибки» и дилетантизм доктора исторических наук, вторгшегося «в область лингвистики, филологии, тюркологии и археологии»⁴¹, а его выводы именовались «домыслами»⁴². Забегая вперед, замечу, что когда через несколько лет А. Г. Кузьмин выступит со своей концепцией происхождения имени и народа русов, последние упреки критики станут адресовывать уже ему самому.

Отношения с А. А. Зиминим были безнадежно испорчены, но это А. Г. Кузьмина не смутило. Статья 1968 г., опубликованная в «Истории СССР», стала его первой заметной публикацией в известном столичном журнале, начиная с 1963 г. То, что его отъезд в Рязань привел к временному застою — несомненно. Судя по списку научных трудов А. Г., в течение 1965 г. им не было подготовлено к печати ничего нового — в свет вышли давно подготовленные 29 том ПСРЛ и «Рязанское летописание». В 1966 г. не было опубликовано вообще ничего⁴³. Начиная с 1968 г. А. Г. начал писать и публиковаться много, как в Рязани, так и в Москве.

Кузьмин решил продолжать свои выступления в печати в роли критика. По мнению А. Г., «в последнее время нередко приходится сталкиваться с попытками голословно объявлять фальсификаторами тех или иных, иногда весьма уважаемых деятелей прошлого, таких, как Татищев, Мусин-Пушкин, Бантыш-Каменский»⁴⁴. Следовательно, имела место опасная тенденция. Можно предположить, что историческая наука рисовалась А. Г. Кузьмину в виде поля битвы, в которой происходит столкновение двух партий исследователей — скептиков и антискептиков, а на стороне последних он сам и сражается. А на войне, как на войне — А. Г. считал, что каждый историк должен занять в этом столкновении твердую партийную позицию. Именно так можно понять критику им заметки Н. Ф. Котляра «Загадка Святослава Всеволодовича Киевского». В статье Кузьмина особо подчеркивалось, что Котляр «стремится обосновать некоторые положения, которые ранее были привлечены А. А. Зиминим для доказательства «позднего происхождения» «Слова о полку Игореве»⁴⁵. Разобрав статью коллеги, А. Г.

³⁸ Кузьмин А. Г. Ипатьевская летопись и «Слово о полку Игореве» (по поводу статьи А. А. Зимина) // История СССР. 1968. № 6. С. 64-87.

³⁹ Там же. С. 64.

⁴⁰ Там же. С. 65.

⁴¹ Там же. С. 64.

⁴² Там же. С. 86.

⁴³ Список научных трудов Аполлона Григорьевича Кузьмина // Великие духовные пастыри России. М., 1999. С. 487-488; Список научных трудов Аполлона Григорьевича Кузьмина // Судьба России в современной историографии. Сборник научных статей памяти доктора исторических наук, профессора А. Г. Кузьмина. М., 2006. С. 615.

⁴⁴ Кузьмин А. Г. Ипатьевская летопись и «Слово о полку Игореве». С. 87.

⁴⁵ Кузьмин А. Г. Мнимая загадка Святослава Всеволодовича // Русская литература. 1969. № 3. С. 104.

назвал метод его работы «потребительским» — Котляр выбирает из летописей «лишь те данные, которые могут проиллюстрировать его мысль»⁴⁶.

Эта публикация имела неожиданный «побочный» эффект. В одном номере с критической статьей А. Г. Кузьмина редакция поместила и заметку к ней Д. С. Лихачева. Согласившись с критикой статьи Котляра, Лихачев завуалировано покритиковал самого Кузьмина за его отношение к «Слову» прежде всего как к историческому источнику, ведь «Слово» и летопись несопоставимы. «Слово» — художественное произведение; летопись художественные цели не ставит на первое место»⁴⁷. Двусмысленно прозвучало и финальное предложение в заметке Д. С. Лихачева: «Не могу не присоединиться к заключительным словам статьи А. Г. Кузьмина, настаивающего на необходимости ответственно подходить к ответственным темам»⁴⁸.

Так А. Г. Кузьмин приобрел весьма влиятельного недоброжелателя (да и Н. Ф. Котляр, надо думать, не забыл его выступления). Однако А. Г. не остановился, и продолжал бросать во все стороны критические стрелы. Следующим объектом стал А. Л. Монгайт, высказавшийся в поддержку мнения о подложности знаменитого Тмутараканского камня. А. Г. особенно возмутило, что Монгайт «обращается за своего рода поддержкой к специалистам — миллионм читателей журнала «Наука и жизнь» (статья Монгайта была опубликована в трех номерах журнала за 1967 г.)»⁴⁹. Сходство с Зиминным (как казалось, не случайное) виделось Кузьмину в том, что помимо Тмутараканского камня в работе Монгайта была «и еще одна мишень: А. И. Мусин-Пушкин. Правда, А. Л. Монгайт достаточно убедительно (хотел он этого или нет) показал, что Мусин-Пушкин не мог быть фальсификатором, так как не понимал надписи. Но он обращает внимание на то, что не только Тмутараканский камень, но и другие важнейшие открытия А. И. Мусина-Пушкина — «Ярославле серебро» и «Слово о полку Игореве» — современники считали подделками и не верили в их древность». Кузьмин поправляет Монгайта: «современники» «сказано слишком сильно» — «скептики», которых и «тогда было совсем немного»⁵⁰.

За, как ему казалось, неслучайными одновременными выступлениями «скептиков» в 1960-х гг. А. Г. разглядел некое подобие заговора, истоки которого он относил к работе 1940 г. французского филолога-слависта Андре Мазона, поднявшего тогда вопросы о подложности и «Слова о полку Игореве» и Тмутараканского камня. Дело было не в конкретных людях (С. Л. Пештиче, А. А. Зимине или А. Л. Монгайте) вопрос надо было ставить шире. Уже в статье, посвященной изысканиям Зимина, Кузьмин писал: «Наш век — век науки. Науку и ученого отличает прежде всего метод исследования. Очевидно, о нем нужно говорить гораздо больше, чем мы это делаем до сих пор»⁵¹. Итак, удар следовало наносить не по отдельным скептикам, которых во все века «было совсем немного», а по «скептицизму» как образу мыслей и методу. И в том же 1969 г. в ученых записках Рязанского пединститута была опубликована статья Кузьмина «Скептическая школа в русской историографии». Главной задачей статьи было стремление автора показать, что во все времена «скептицизм» среди русских историков был неким отклонением от нормы. При этом А. Г. предлагает отличать «скептическую» школу от «критического направления». Скептическая

⁴⁶ Там же. С. 106.

⁴⁷ Лихачев Д. С. К статье А. Г. Кузьмина «Мнимая загадка Святослава Всеволодовича» // Там же. С. 110.

⁴⁸ Там же. С. 110.

⁴⁹ Кузьмин А. Г. Существует ли проблема тмутараканского камня // Советская археология. 1969. № 3. С. 283.

⁵⁰ Там же. С. 283.

⁵¹ Кузьмин А. Г. Ипатьевская летопись и «Слово о полку Игореве». С. 87.

школа является скорее его «антиподом»: «критическое направление вело исследование от источника к концепции, “скептики”, напротив, шли от концепции к источнику. Такая методология не только не может быть признана “в основном правильной”, но ее нельзя вообще признать научной»⁵². Сама личность основоположника «скептической школы» М. Т. Каченовского в описании А. Г. Кузьмина должна была вызвать антипатию у читателя: нерусский («выходец из греческой мещанской семьи Качони»), не получивший «сколько-нибудь систематического образования», окруженный столь же малообразованной нерусской публикой в частной жизни («М. Каченовского окружали не немцы-ученые, а немцы, занятые на русской государственной службе»), оказавшийся главой кафедры русской истории в Московском университете случайно («необходимость читать лекции для студентов побудила его более основательно войти в предмет»), не оставивший «сколько-нибудь серьезных исследований» и т. д.⁵³. Все-таки признавая, что «скептики» приносили пользу науке», «побуждая других к более серьезным исследованиям», Кузьмин считает причиненный ими вред не менее весомым⁵⁴. Скептическое направление мысли и не могло не быть вредоносным, как направление антипатриотическое, космополитическое, пропитанное «национальным нигилизмом»⁵⁵.

Впрочем, выступления доцента Рязанского пединститута Кузьмина, на академической карьере которого, казалось, «поставлена точка»⁵⁶, можно было не воспринимать всерьез. Однако в судьбе А. Г. наступил новый поворот. Он решил двигаться дальше — к докторской диссертации. Поначалу А. Г. думал сосредоточиться на Никоновской летописи. Этим памятником он уже занимался ранее, применительно к рязанским сюжетам, и огромная Никоновская летопись казалась просто кладезем для изысканий в области открытия неизвестных летописных традиций. Но как за нее взяться? Кандидатская диссертация А. Г. представляла собой свод сведений о Рязани. Эту же методику Кузьмин попытался применить и в отношении Никоновской летописи. Он начал разбирать отдельные известия-сведения из Никоновской летописи, «печатая тексты летописи и свой научный комментарий к ним на машинке... Напечатав шестьсот или семьсот страниц, он был еще в самом начале своего исследования. Тогда он отказался от исследования в полном объеме Никоновской летописи»⁵⁷. Осознав, что тонет в материале, А. Г. решил изменить метод. Уйдя от сплошного рассмотрения Никоновской летописи, он попробовал сформулировать проблему, оттолкнувшись от которой можно было бы начать анализ материала. Постепенно Кузьмин вообще отошел от исследования Никоновской летописи, обратился к проблемам истории начального русского летописания и преуспел. С этого времени он всегда будет начинать свои изыскания с постановки проблемы, это же в последующем он будет рекомендовать и своим ученикам. Свои выводы о методах научного исследования А. Г. в 1980-х гг. систематизирует в статье, которая будет неоднократно им опубликована под названиями «О предмете исторической науки» и «Что и как изучает история?»⁵⁸. Другим приемом, который он решил использовать для стимулирования изысканий,

⁵² Кузьмин А. Г. Скептическая школа в русской историографии // Некоторые вопросы краеведения и отечественной истории. Ученые записки Рязанского государственного педагогического института. Т. 62. Рязань, 1969. С. 327.

⁵³ Там же. С. 313-315.

⁵⁴ Там же. С. 327.

⁵⁵ Там же. С. 328.

⁵⁶ Зимин А. А. Храм науки. С. 220.

⁵⁷ Чекурин Л. В. Аполлон Кузьмин. С. 16.

⁵⁸ Кузьмин А. Г. К какому храму ищем мы дорогу? (История глазами современника). М., 1989. С. 4-23.

стала организация на истфаке РГПИ факультативного спецсеминара по проблемам истории начального летописания, участники которого собирались с 1964 по 1968 гг. В какой-то момент А. Г. пришел к пониманию, что текущие занятия со студентами на истфаке не позволяют полностью погрузиться в научную работу, и перешел на должность старшего научного сотрудника института⁵⁹. Результаты изысканий были оформлены А. Г. Кузьминым в виде монографии «Русские летописи как источник по истории Древней Руси», опубликованной издательством РГПИ в 1969 г. в качестве учебного пособия тиражом 1700 экземпляров. Две трети объема пособия составляла монография А. Г., одну треть — приложения к ней (выдержки из «Повести временных лет» (далее — ПВЛ), Новгородской I летописи и др.).

Знакомя читателей с историей изучения летописей, А. Г. Кузьмин связал с творчеством А. А. Шахматова начало нового этапа в летописеведении. Само по себе ничего нового в такой установке не было. Однако А. Г. иначе расставил оценки. До Шахматова преобладал подход К. Н. Бестужева-Рюмина, когда усилия исследователей были направлены на анализ состава летописных сводов, с целью выделить в них составные части, отдельные известия и получить исторические сведения. «Новый подход А. А. Шахматова... способствовал разрыву традиции и препятствовал наиболее рациональному использованию новых достижений для решения тех задач, которые ставили авторы второй половины XIX века. Но было бы неправильным думать, что новый подход к летописи освобождает от необходимости выделять и анализировать в качестве исторического источника отдельные элементы свода. На практике историки постоянно это делают и анализ летописей, как исторических произведений, несомненно, остается одной из важнейших задач источниковедения»⁶⁰. А. Г. Кузьмин находит много ценного в критических замечаниях сделанных А. А. Шахматову В. М. Истриным и Н. К. Никольским, и защищает выводы последнего от «упреков» со стороны Я. С. Лурье. От его критических замечаний А. Г. Кузьмин защищает и М. Н. Тихомирова, и Б. А. Рыбакова, которым досталось от Я. С. Лурье за возвращение к «дошахматовским методам» исследования. А. Г. считает необходимым «решительно возразить против абсолютизации шахматовского метода и канонизации его системы и даже целей исследования»⁶¹. Это внимание А. Г. Кузьмина к Я. С. Лурье было не случайно, поскольку последний позволил себе критические замечания в отношении методов исследования рязанского летописания самим А. Г., сопоставив их с шахматовскими и отнюдь не в пользу Кузьмина: «Попытки механического разложения известий летописных сводов на источники действительно делались и делаются и после работ А. А. Шахматова, но этот метод является все-таки несравненно менее плодотворным, чем метод А. А. Шахматова. Найдя в летописном своде какие-то известия, связанные, допустим, с Суздалем или Рязанью, мы вправе предположить, что они суздальского или рязанского происхождения, но предположение это (без дополнительных доказательств) останется все-таки не более чем догадкой. Но если два различных летописных свода на протяжении ряда лет совпадают между собой, а потом расходятся, то несомненно либо зависимость одного из них от другого (что бывает редко), либо наличие общего протографа. При всей гипотетичности определений отдельных сводов, данных А. А. Шахматовым, самый факт существования ряда сводов — протографов дошедших до нас летописей — доказан им с полной несомненностью, и ни один историк не может не считаться с этими выводами»⁶². «Автору настоящей работы, — пишет

⁵⁹ Киселев А. Ф. «Я человек слишком российский по своему воспитанию». С. 8.

⁶⁰ Кузьмин А. Г. Русские летописи как источник по истории Древней Руси. Рязань, 1969. С. 13.

⁶¹ Там же. С. 29.

⁶² Лурье Я. С. Изучение русского летописания // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1968. Т. 1. С. 20-21, прим. 57.

о себе А. Г. Кузьмин, — представляется, что современное летописеведение должно соединить, а не противопоставлять разные направления в изучении летописей. Он считает себя последователем А. А. Шахматова, признавая обязательность выяснения литературной истории текстов; он считает себя последователем А. А. Шахматова, В. М. Истрина, Е. Ю. Перфецкого, А. Н. Насонова, признавая исключительную плодотворность сравнительно-текстологического метода. Но являясь прямым учеником М. Н. Тихомирова, автор находит целесообразным вполне «вольно» подчеркнуть и хотя бы отчасти реабилитировать методы исторической критики летописного материала, т. е. те методы, которые, как думает Я. С. Лурье, «невольно» применяются названными историками, а также Н. К. Никольским. Автора не пугает перспектива общения с представителями т. н. «бестужевского направления». Но методика Н. К. Никольского, а тем более М. Н. Тихомирова и Б. А. Рыбакова — это, конечно, совсем не простой возврат к старому. В их работах сочетаются и тонкие исторические наблюдения над конкретными летописными статьями, и чисто «шахматовский» взгляд на место этих статей в системе всего летописного материала. Поскольку историческим методам исследования летописей еще приходится отстаивать свое право на жизнь, акцент в работе несколько смещается именно на них. В данном случае это тем более целесообразно, что речь идет об извлечении из летописных сводов возможно более полной исторической информации⁶³.

В монографии было поднято довольно много проблем: взаимоотношение редакций ПВЛ в составе Лаврентьевской и Ипатьевской летописей, ПВЛ и Новгородской I летописи, оценка оригинальных известий о периоде до начала XII в., содержащихся в летописных сводах XV-XVI вв., внелетописные текстуальные параллели к летописным текстам в виде отдельных сказаний, повестей, иностранных источников, хронология начального летописания (стили летосчисления, использование разных космических эр и др.), расслоение летописных текстов по идеологическим признакам. Примерам последнего явления была посвящена четвертая глава книги, в которой А. Г. разобрал две летописные концепции начала Руси и разные версии Крещения Руси. Тут же Кузьмин обращается к «проблеме «Нестора», делая вывод о том, что печерский монах Нестор автором Начальной летописи не был. Нестору, несомненно, принадлежат два сочинения: чтение о Борисе и Глебе и Житие Феодосия. Но «сопоставление содержания Несторовых Житий с летописью и Патериком приводит нас к неизбежному выводу, что все эти памятники отражают разные традиции и историографические, и идеологические»⁶⁴. И вообще «наша древняя литература была гораздо богаче, чем это представляют те авторы, которые группируют все ее вокруг нескольких почему-то известных имен»⁶⁵.

Но что же все-таки получилось в результате исследования в целом? Из всей схемы начального летописания А. А. Шахматова А. Г. Кузьмин «не ставит под сомнение» лишь «один из важных узлов шахматовской схемы: представление о редакциях 1116 и 1118 года», хотя «уже из наблюдений А. А. Шахматова вытекает, что в Ипатьевской и Лаврентьевской летописи эти редакции перемешаны, а потому их разделение едва ли возможно без внутреннего анализа текста обеих летописей»⁶⁶. А. Г. Кузьмин не исключает, что в условиях, когда летописание представляло собой «ряд самостоятельных летописных традиций, вступающих время от времени во взаимодействие», только в 20-е гг. XII в., «или даже позднее, Начальная летопись приобрела тот вид, который мы имеем в составе Ипатьевской и Лаврентьевской

⁶³ Кузьмин А. Г. Русские летописи как источник по истории Древней Руси. С. 29-30.

⁶⁴ Там же. С. 136.

⁶⁵ Там же. С. 137.

⁶⁶ Там же. С. 161.

летописей»⁶⁷. На возможности существования «т. н. «Древнейшего свода» реконструкции А. А. Шахматова» Кузьмин даже не останавливается — этот свод «в настоящее время отвергнут большинством авторов»⁶⁸. Что касается свода 1073 г., приписываемого игумену Печерского монастыря Никону, то «это едва ли не самое прочное звено шахматовской реконструкции», и А. Г. Кузьмин «вполне согласен с Д. С. Лихачевым, что в это время был составлен «систематический труд» по русской истории, хотя и не считает его первоначальным... Однако, не видно оснований для приурочения этого памятника именно к 1073 году». Да и вопрос об авторстве Никона «может быть решен отрицательно: «рыцарское удалство» в рассказах о князьях X века, да и вообще слишком светский взгляд летописца и в постановке вопроса о начале Руси, и даже в рассказе о крещении Владимира не дают оснований считать автором этого труда какого-либо монаха»⁶⁹. У Кузьмина «вызывает возражение» и «шахматовская реконструкция т. н. «Начального свода 1095 года». А. А. Шахматов, очевидно, прав в том, что в Новгородской I летописи младшего извода отразился свод, предшествующий ныне известным редакциям Повести временных лет. Но начальная часть этой летописи, видимо, является сравнительно поздней (вероятно, начала XIII века) новгородской переработкой киевского материала. Ясные следы древнего текста замечаются, начиная с 945 года. Трудно признать обоснованной и датировку недошедшего источника концом XI века, так как киевский источник (по крайней мере один из киевских) продолжается до 1115 года, а следы какого-либо другого источника слишком мало заметны, чтобы можно было их приурочить к определенному году или времени... Взаимоотношение наших летописных сводов, по-видимому, нельзя представлять только как поступательное развитие одной традиции даже для XI — начала XII века. Объективно нам следовало бы считать, что в Новгородской летописи отразился киевский памятник, доведенный до 1115 года»⁷⁰.

Столь резкое и всеобъемлющее неприятие классической схемы А. А. Шахматова многих смutilo, а Я. С. Лурье и Д. С. Лихачев вообще сочли себя задетыми. А Лихачева Кузьмин еще покривляет в том же году за его выводы о соотношении понятий Руси в «узком» и «широком» смыслах⁷¹.

Чувствуя поддержку Б. А. Рыбакова, А. Г. был спокоен. К концу 1969 г. им была не только найдена тема, достойная докторской диссертации, но почти написана и сама диссертация. Кроме монографии в период с 1967 по 1969 гг. по теме были опубликованы двенадцать статей (и несколько находились в печати). Настало время ехать в Москву — в докторантуру на кафедру источниковедения истории СССР исторического факультета МГУ. Вновь предстояло переживать бытовую неустроенность, но к ней А. Г. было не привыкать. Он вообще был непривередлив. Зато его теперешнее появление в столице нельзя было сравнить с тем прыжком в неизвестное, который он совершил в 1958 г. Казалось, что все, как говорится, схвачено.

И, правда, возвращение в Москву обернулось подлинным триумфом. А. Г. Кузьмина с его темой не только с распростертыми объятиями приняли на кафедре источниковедения (ее с 1966 г. возглавлял И. Д. Ковальченко, сам только-только защитивший докторскую диссертацию). А. Г. еще и был назначен на должность заместителя главного редактора крупнейшего советского научного журнала «Вопросы истории».

⁶⁷ Там же. С. 163.

⁶⁸ Там же. С. 27.

⁶⁹ Там же. С. 162-163.

⁷⁰ Там же. С. 162.

⁷¹ Кузьмин А. Г. Две концепции начала Руси в Повести временных лет // История СССР. 1969. № 6. С. 87.

Первую половину 1970-х гг. можно считать временем расцвета А. Г. Кузьмина как ученого и периодом его наибольших успехов в научной карьере. Появляется возможность восстановить прежние и завязать новые, еще более многочисленные полезные знакомства. И в «Вопросах истории», и в других солидных научных изданиях выходят его статьи и рецензии. Кузьмина дважды публикуют в США. По совместительству А. Г. трудится в МГУ в Лаборатории истории русской культуры исторического факультета (в 1971 г., после преобразования из Кабинета истории русской культуры, ее возглавил А. М. Сахаров). Преподавательская нагрузка у него была небольшая — Кузьмин даже не читал лекционного курса, и, судя по личным воспоминаниям, которыми он делился с учениками много позднее, основной его деятельностью стала работа в журнале. Университет был явно вторичен и менее ему интересен, сравнительно с редакторством. Проводя большую часть времени в редакции (сказывалась и первоначальная бытовая неустроенность в столице), Кузьмин здесь же трудился над завершением текста докторской диссертации «Начальные этапы древнерусского летописания».

26 ноября 1971 г. на заседании Ученого совета Исторического факультета МГУ состоялась защита докторской диссертации А. Г. Кузьмина. В общем-то, ничего принципиально нового, в сравнении с уже опубликованным ранее, этим своим объемным трудом, состоявшим из шести глав и заключения, в историю изучения летописания А. Г. не внес. Диссертация, таким образом, стала итоговым трудом автора. Пожалуй, была лишь несколько ужесточена критика А. А. Шахматова, который, якобы, «представляя все летописание в виде одного многовекового дерева,... стремился к выявлению «основных сводов», в сущности единственного ствола» и «продолжал традицию о летописной эстафете»⁷². Большое место вновь занимала «проблема Нестора» (третья глава), одна глава (четвертая) была посвящена проблемам летописной хронологии. Выделяя третью четверть XI в. как время, когда «окончательно оформляются разные историографические традиции» и «в своеобразную идеологическую борьбу втягиваются многие центры в разных городах Руси», Кузьмин предлагает и причины, по которым эти летописные традиции были, в конце концов, вытеснены той (поначалу одной из многих), которую представляла Начальная летопись (ПВЛ): «В условиях начавшегося феодального дробления Русской земли создатель летописного (Начального — А. К.) свода как бы вспоминал об ее историческом единстве. В сочинениях своих предшественников он отбирал прежде всего такие материалы (светские и церковные), которые представляли общерусский интерес. Славянские и не славянские племена огромной территории от Дуная до Печеры и от Прибалтики до Тмутаракани мыслятся автором как части

⁷² Кузьмин А. Г. Начальные этапы древнерусского летописания. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 1971. С. 10.

единого целого, входя в состав участников легендарных походов Олега и наполняя построенные Владимиром порубежные города. Автор стремился примирить почти несоединимые традиции (в частности, о начале Руси)». Прочие летописные традиции, хотя «и далее сохраняли самостоятельное значение, ... не могли конкурировать с памятником, поднявшим общерусские вопросы»⁷³.

Во время защиты разразился скандал, довольно подробно описанный в мемуарах А. А. Зимина. Оппонентами Кузьмина согласились быть член-корреспондент АН СССР В. Л. Янин и доктора исторических наук П. П. Епифанов и А. П. Пронштейн. Внешний отзыв был предоставлен от Группы по изданию ПСРЛ Института истории АН СССР — его обеспечивал Б. А. Рыбаков. Все трое оппонентов в предварительно предоставленных соискателю отзывах были к его диссертации благосклонны. Участие В. Л. Янина, согласившегося поддержать А. Г., учтя близость последнего к Б. А. Рыбакову, должно было обезопасить Кузьмина от осложнений — рассылка автореферата взбудоражила всех, кого, так или иначе, задел в предыдущие годы соискатель. Кузьмин рассказывал ученикам, что из Ленинграда от Д. С. Лихачева на его защиту прибыл «представительный десант» дабы «завалить» соискателя⁷⁴. Поучаствовать в дискуссии были не прочь А. А. Зимин и Я. С. Лурье. «Ведь проблема защиты Аполлона уже долгое время стояла передо мною, — вспоминал А. А. Зимин, — да и не только передо мной. Мне звонил Яша и говорил, что он хочет выступить, прочитав автореферат. Я ему отсоветовал, зная настроения в Университете. К тому же, подобное выступление означало выражение недоверия Янину, а этого я делать не хотел»⁷⁵. Таким образом, имя В. Л. Янина кого-то остановило. Однако М. Х. Алешковский, соавтор и друг В. Л. Янина, сказал последнему, что работа у Кузьмина плохая, и сам он человек нехороший (А. А. Зимин использует в качестве характеристик менее приличные выражения). Алешковского Кузьмин задел небольшой, но обидной критической заметкой, опубликованной в «Археографическом ежегоднике»⁷⁶. В. Л. Янин предложил М. Х. Алешковскому самому почитать диссертацию А. Г. Кузьмина, тот ее раскритиковал, и даже, как пишет А. А. Зимин, написал свой отзыв, который впоследствии не был опубликован. В результате В. Л. Янин подготовил новый отзыв, отрицательный, с выводом: «не достоин искомой степени». Его оппонент и озвучил на защите. А. А. Зимин вспоминал, что накануне дня защиты В. Л. Янин позвонил ему и сообщил о своем окончательном решении. А. А. Зимин «так и плюнул с досады»: «Если б Янин сказал о своем выводе хотя бы за несколько дней, то и я и Яша выступили бы и результат процедуры мог быть несколько иным, хотя в целом бы оставался благоприятным для Кузьмина. На защиту я не пошел, но послал зятя»⁷⁷. В ходе жаркой дискуссии А. Г. Кузьмин не просто отбивался, но, как оценивает происходившее А. А. Зимин, «гарцевал на белом коне». В результате члены Ученого совета «подавляющим (удручающим) большинством проголосовали «за»⁷⁸. На этом, правда, злключения соискателя не закончились, поскольку в ВАК поступили письма с протестами от Д. С. Лихачева. Я. С. Лурье и А. А. Зимина⁷⁹. Сделать уже ничего было нельзя — надо отметить,

⁷³ Там же. С. 35.

⁷⁴ К семидесятипятилетию выдающегося историка. С. 321; *Перевезенцев С. В.* Русский характер. К 80-летию со дня рождения А. Г. Кузьмина // Наш современник. 2008. № 9. С. 177.

⁷⁵ *Зимин А. А.* Храм науки. С. 210.

⁷⁶ *Кузьмин А. Г.* К прочтению текста вводных статей Комиссионного списка Новгородской Первой летописи // Археографический ежегодник за 1970 год. М., 1971. С. 90-91.

⁷⁷ *Зимин А. А.* Храм науки. С. 210.

⁷⁸ Там же. С. 210.

⁷⁹ Там же. С. 222.

что и защитники у Кузьмина были сильные. В результате доктором исторических наук «после долгой задержки Аполлон все-таки стал»⁸⁰.

И в статьях, написанных в первой половине 1970-х гг., и в монографии, опубликованной на основе текста докторской диссертации в 1977 г. издательстве Московского университета тиражом в 6300 экземпляров⁸¹, А. Г. Кузьмин продолжал развивать свои идеи. Его по-прежнему привлекала идея поиска древнейших неизвестных летописных традиций и источников, интересовали и местное летописание, и Татищев, и Длугош, и «Слово о полку Игореве» и другие летописные и нелетописные источники, как ранние, так и поздние. Даже летописи XVII в., такие как Мазуринский летописец, для него представляли «интерес не только своим основным содержанием — оригинальным материалом о событиях XVII в., но и своеобразной трактовкой событий отдаленного прошлого, в большинстве случаев отражающей взгляды и материалы более ранних средневековых историографов (XVI-XVII вв. и, возможно, еще более ранних)»⁸². Да что там летописи! Важны и «песни и былины киевского периода», которые сохранялись «на северных окраинах Руси в течение многих столетий». Ведь «как показал Б. А. Рыбаков, почти все былинные сюжеты укладываются в хронологические рамки с IX по XII в., хотя имеются их записи лишь самого недавнего времени. Естественно, что многовековое перепевание древних сказаний постепенно нивелировало их художественные особенности и приводило к утрате колорита времени. И тем не менее былины отразили те черты народного характера и мировоззрения, которые вошли в его плоть и кровь, стали прочной традицией»⁸³.

Кузьмин, как и раньше, решительно выступал против тех, кто своим скепсисом, как ему казалось, способствует сокращению количества извлеченных из источников известий о прошлом (это и С. Л. Пештич, и Я. С. Лурье (ему теперь доставалось о А. Г. Кузьмина особенно часто, и без ответа, как увидим далее, его выпады и уколы не оставались), и Е. М. Добрушкин, и Э. Кинан, и А. А. Зимин и др.), тех, кто исповедует «презумпцию подложности» источника, которая, «конечно, не всегда выступает в обнаженном виде». Разумеется, А. Г. Кузьмин оговаривает, что «сомнения и скептицизм сами по себе необходимые условия плодотворного исследования. Речь, очевидно, может идти лишь об их направленности. В юриспруденции дознание отправляется от «презумпции невиновности»: обвиняемый невиновен до тех пор, пока не доказана его вина. Нечто подобное необходимо и в качестве гарантии объективности научного исследования. Скептицизм желателен не только при рассмотрении показаний источника, но и при выдвижении претензий к нему. Ученый не может обязывать источник оправдываться. Он должен доказать свое обвинение. Напоминание о некоторых очевидных методических изъянах нелишне потому, что они встречаются в «скептических» построениях. Но темой серьезного рассмотрения могут быть те принципы исследования, которые представляются вполне оправданными и, тем не менее, приводят к резкому столкновению с выводами, полученными иным путем»⁸⁴.

Кузьмин напоминал, что даже «по одному из кардинальных вопросов истории древнерусской письменности — времени появления первых исторических

⁸⁰ Там же. С. 222.

⁸¹ Кузьмин А. Г. Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977.

⁸² Кузьмин А. Г. Рец.: «Полное собрание русских летописей. Т. 31. Летописцы последней четверти XVII в.». М., «Наука», 1968, 262 с., тир. 2200 экз. Отв. ред. Б. А. Рыбаков. В. И. Буганов, сост. В. И. Буганов, Ф. А. Грекул, В. И. Корецкий, Л. З. Мильгтон // История СССР. 1971. № 1. С. 189.

⁸³ Воронин Н. Н., Кузьмин А. Г. Духовная культура Древней Руси // Вопросы истории. 1972. № 9. С. 121.

⁸⁴ Кузьмин А. Г. Спорные вопросы методологии изучения русских летописей // Вопросы истории. 1973. № 2. С. 33.

сочинений — расхождения достигают одного-двух столетий»⁸⁵. Сам он определял время зарождения древнерусского летописания как рубеж X-XI вв. А уже «вскоре после смерти Ярослава Мудрого создается один из самых значительных исторических трудов Киевской Руси — «Повесть временных лет». Не исключено, что это произведение не являлось летописью в позднейшем значении этого слова (то есть не было погодной хроникой), хотя и не было лишено определенных хронологических обозначений. Создатель «Повести» ставил до известной степени исследовательскую (а не описательную) задачу — определить, «откуда есть пошла Русская земля, кто в Киеве нача первее княжити и откуда Русская земля стала есть».... Основной мотив этого памятника (как и у Илариона) — русские князья правили не в «неведомой» земле, и самой Византии неоднократно приходилось откупаться от осаждавших ее столицу русских дружин. В песнях и сказаниях IX-X вв. автор мог найти богатый, подтверждающий этот тезис материал». С XI в., «с процессом проникновения письменности на периферию и с углублением феодального дробления возникает свое летописание в каждом значительном центре». Но «вытеснение и пресечение княжеских ветвей приводили к гибели целых историографических традиций. «Племя Мономаха» в XII в. становится доминирующей силой в разных концах Руси. Поэтому в большинстве дошедших летописей в основе лежат редакции «Повести временных лет», относящиеся ко второму десятилетию XII в., — времени утверждения Мономаха в Киеве. Неудаче тенденциозных переработок способствовало и то обстоятельство, что идеи собственно «Повести временных лет» при этом мало пострадали. «Повесть» оставалась памятником, напоминавшим об общей природе всех ответвлений русского племени и звавшим к сохранению государственного единства»⁸⁶. Таким образом, своеобразная цензура Мономаховичей теперь представляется А. Г. важным фактором, способствовавшим искоренению отличных от ПВЛ историографических традиций. И хотя большинство летописей, отражавших периферийное летописание и его традиции, погибли или не сохранились в своем первоначальном виде, в «русском летописании можно заметить периоды, когда летописцы как бы заново обращались к прошлому, пересматривая его оценку по сравнению со своими предшественниками. Каждый такой период сопровождается вторжением на страницы летописей новых легенд и историографических схем, а также привлечением новых источников, почему-либо не отразившихся в предшествующей историографии»⁸⁷. И тогда в поздние летописи включались материалы из вскоре окончательно исчезнувших летописей — осколков других летописных традиций. «Взгляд на летописание как на взаимодействие параллельно существующих традиций» представляется А. Г. Кузьмину «наиболее естественным», хотя «взаимоисключающие тенденции» могли «приводить к гибели целых традиций»⁸⁸.

Между тем, к середине 1970-х гг. положение А. Г. Кузьмина на посту заместителя главного редактора «Вопросов истории» осложнилось. Одновременно (или как следствие) ухудшилось его и без того сложное положение в научном сообществе. Само назначение скромного кандидата исторических наук из Рязани на столь влиятельную должность могло показаться сказочным даром щедрого волшебника. Значительно позднее, делаясь воспоминаниями со своими учениками, А. Г. рассказывал, что волшебников было двое — Б. А. Рыбаков и И. Д. Ковальченко, предложившие его

⁸⁵ Там же. С. 33.

⁸⁶ Воронин Н. Н., Кузьмин А. Г. Духовная культура Древней Руси. С. 124.

⁸⁷ Кузьмин А. Г. Рец.: «Полное собрание русских летописей Т. 31. Летописцы последней четверти XVII в.». С. 188

⁸⁸ Кузьмин А. Г. Древнерусские исторические традиции и идейные течения XI века // Вопросы истории. 1971. № 10. С. 56.

кандидатуру в отделе пропаганды и агитации ЦК КПСС. Кузьмин, вообще склонный к всевозможным мистификациям в рассказах о себе, связывал свое назначение с принятым где-то наверху решением усилить в редакции влияние ученых, настроенных патриотически (сказывалась-де агрессивная политика, которую проводил Израиль). В биографиях Кузьмина, написанных его учениками на основе «припоминаний», встречается сообщение о том, что, переехав в Москву в 1969 г., А. Г. сразу же занял редакторскую должность в «Вопросах истории»⁸⁹. Все это выглядит вполне логично: 5 июня 1967 г. началась «шестидневная война» между Израилем с одной стороны, Египтом, Сирией и Иорданией — с другой. Арабы проиграли, а Израиль, оккупировав Восточный Иерусалим, западный берег реки Иордан, сектор Газа, Голанские высоты, начал стремительно строить на этих землях еврейские поселения. Симпатии СССР (и правительства, и большинства населения) были на стороне арабов. С Израилем были разорваны дипломатические отношения, и власти Советского Союза стали обращать более пристальное внимание на сионизм, как идеологию государства-агрессора, ставя его в один ряд с фашизмом. Началась шумная идеологическая компания и против Израиля, и против сионизма. В этих условиях «правильное» освещение событий с исторической точки зрения не могло не волновать партийные идеологические органы.

Однако эта внешне логическая картина не вполне подтверждается фактами. Во-первых, А. Г. Кузьмин появляется в списке состава редколлегии не в 1969-м, и даже не в 1970-м, а только с № 3 за 1971 г. (спустя четыре года после «шестидневной войны»). В течение почти двух лет в «Вопросах истории» вообще не было должности заместителя главного редактора, т. к. Е. И. Тряпицын, ранее занимавший эту должность, еще в середине 1969 г. из редколлегии вышел, а на его место долгое время никого не назначали. Возможно, искали замену. В редколлегию «Вопросов истории» одновременно с А. Г. Кузьминым (действительно, сразу занявшим должность заместителя главного редактора), вошло еще шесть человек: В. И. Бovyкин, Н. Н. Демочкин, Л. Н. Нежинский, Ю. А. Поляков, А. Н. Сахаров и И. В. Созин (занявший не существовавшую ранее должность ответственного секретаря). Одновременно из журнала ушли И. Д. Ковальченко, И. А. Хренов и С. А. Юдачев. Из состава старой редакции в ней остались десять: В. Г. Трухановский (главный редактор с 1960 г.), Р. Т. Ахрамович, Л. С. Гапоненко, Г. Н. Голиков, И. В. Дудинский, Е. М. Жуков, М. П. Ким, С. Д. Сказкин, И. А. Федосов и А. С. Черняев. И среди ушедших, и среди пришедших, и среди оставшихся были столь разные люди, занимавшиеся столь разными научными проблемами, что представлять себе изменения в журнале в качестве идеологической «чистки» с целью победы в «Вопросах истории» патриотических сил, вряд ли правильно. Скорее, учитывая характер количественных изменений в составе редколлегии, можно предположить, что все назначения были связаны с борьбой вокруг журнала различных кланов отечественных историков. Это подтверждается тем, что приход в журнал Кузьмина совпал с выходом из редколлегии Ковальченко. Если Кузьмин действительно был протеже И. Д. Ковальченко, заведывавшего кафедрой источниковедения истории СССР на истфаке МГУ (на которой готовилась докторская диссертация А. Г.) и входившего в состав редколлегии «Вопросов истории» с 1968 по 1971 гг., то И. Д., возглавивший в 1970 г. (начиная с № 2) редколлегию журнала «История СССР», покидая «Вопросы истории», мог пожелать оставить в редакции человека, ему обязанного, при помощи которого он мог сохранять влияние на политику журнала. Последнего от А. Г. Кузьмина мог ждать и Б. А. Рыбаков. Академик сам входил

⁸⁹ См., например: *Киселев А. Ф.* «Я человек слишком российский по своему воспитанию». С. 8; *Перевезенцев С. В.* Русский характер. С. 176.

в редколлегию «Истории СССР», и, возможно, уход из «Вопросов истории» И. Д. Ковальченко без соответствующей замены «своим» человеком был не в интересах Б. А. В итоге всё, как говорится, сошлось на Кузьмине. Отметим, что от остальных членов нового состава редколлегии А. Г. отличался, прежде всего, тем, что был единственным специалистом по истории Древней Руси (А. Н. Сахаров напишет свои работы о древнерусской дипломатии позднее, до прихода в редколлегию он трудился в должности инструктора Отдела пропаганды ЦК КПСС, а кандидатскую диссертацию защитил в 1965 г. по русской деревне XVI в.). Возможно, это и было основным «официальным» аргументом при назначении Кузьмина в журнал.

Во-вторых, необходимо учитывать, что примерно в одно время с назначением А. Г. Кузьмина заместителем главного редактора «Вопросов истории», в декабре 1970 г., на заседании Секретариата ЦК КПСС обсуждался вопрос о журнале «Молодая гвардия», который активно с конца 1960-х гг. начал проповедовать «русскую идею». Заседание закончилось тем, что с поста главного редактора МГ сняли А. В. Никонова, с именем которого связывалась патриотическая линия журнала. Одновременно, в начале 70-х гг. из руководства КПСС были выведены деятели, «близкие по духу к русофилам — Предсовмина РСФСР Г. И. Воронов, Полянский, группа Шелепина, которые, впрочем, никакого покровительства «русской партии» не оказывали»⁹⁰. Так что победой «патриотической партии» в ЦК в те времена даже и «не пахло», и вряд ли Кузьмина следует рассматривать в качестве «комиссара», направленного коммунистическим руководством в журнал для выправления там патриотической линии. Хотя не исключено, что у А. Г. могло создаться именно такое ошибочное впечатление (сразу или позднее).

В-третьих, назначение Кузьмина в журнал вряд ли было связано с началом какой бы то ни было идеологической кампании, поскольку ни в 1971, ни в 1972 гг. в публикациях «Вопросов истории» незаметно ничего необычно патриотического или антисемитского. Это не означает, что Кузьмина эти проблемы не волновали. Однако свою первую статью по опасному «еврейскому вопросу» он поместил не в подконтрольные ему вроде бы «Вопросы истории», а в «Вестник МГУ».

Публикация носила название «Статья 1113 г. в «Истории Российской В. Н. Татищева» и была посвящена критике в основном Е. М. Добрушкина, С. Л. Пештича, а также, временами, Я. С. Лурье, усомнившихся в достоверности «татищевских известий». На этот раз речь шла о рассказе, помещенном в «Истории Российской», о событиях предшествовавших и сопровождавших вступление на киевский стол Владимира Мономаха. Рассказ, об избиении в начале XII в. киевских иудеев, обороне ими синагоги и т. д., был, по мнению вышеперечисленных авторов, порожден фантазией Татищева, которого они обвиняли в антисемитизме. Кузьмин высказался в пользу достоверности и этого известия, перенеся, правда, решение Владимира Мономаха об изгнании иудеев из пределов Руси, о котором сообщает Татищев, с 1113-го на 1125-й г.⁹¹.

Одновременно Кузьмин высказал в статье ряд положений, явно выходящих за пределы источниковедения. Ему показались «неожиданными и непонятными» заявления Пештича, обвинившего Татищева в антисемитизме. Столь же непонятным выглядело и «смещение С. Л. Пештичем религиозных моментов с национальными. Автор, очевидно, признает, что критика христианства — явление прогрессивное, отрицательное же отношение к иудаизму приравнивается им к «реакционной» политике в «национальном» вопросе. В. Н. Татищев, конечно, работал «к славе

⁹⁰ Лебедев С. В. Русские идеи и русское дело. Национально-патриотическое движение в России в прошлом и настоящем. СПб., 2007. С. 283.

⁹¹ Кузьмин А. Г. Статья 1113 года в «Истории Российской» В. Н. Татищева // Вестник Московского университета. Серия IX: История. 1972. № 5. С. 79-89.

и чести... любезного Отечества». Но он никогда не мыслил Россию отечеством одного «избранного» народа. Напротив. И в этом отношении его взгляды отличались широтой»⁹². Все эти намеки на симпатии к иудаизму и отрицательное отношение к христианству, на другие проявления подсознания коллег, усомнившихся в известиях Татищева, учитывая их мононациональный состав, наряду с упоминанием вредоносности психологии мышления с точки зрения «избранного» народа — все это уже придавало статье характер скандальный и даже в какой-то степени памфлетный. Главным же был явно прослеживающийся в ней антиссионистский (так его назовем) характер. Кузьмин не останавливается на уже сказанном, отмечая, что он не видит ничего необычного в просьбе киевлян, обращенной к Мономаху, об изгнании иудеев, т. к. «известно, что ростовщичество и конкуренция в торговле были всегда главным побудительным мотивом изгнания иудеев из той или иной страны в период средневековья (и это коснулось практически всех европейских стран)»⁹³. Ведь, «в отличие от христианства иудаизм никогда не ставил препятствий для ростовщической деятельности»⁹⁴.

Следует напомнить, что в 1970-х гг. «еврейской» темы историки старались избегать. Нужно ли говорить и о том, что намеки Кузьмина на комплексы, имевшиеся у Пештича и проявившиеся в его работах, а также обобщающие замечания автора статьи по истории иудеев в Европе, вместе взятые, создали ему устойчивую репутацию антисемита. Однако это не смутило Кузьмина, ведь по его мнению «В. Н. Татищев не мог вкладывать в рассказ о событиях в Киеве «антисемитского» содержания хотя бы потому, что он не считал киевских иудеев семитами»⁹⁵. Их появление в Киеве историк XVIII в. связывал с походом на Хазарию Святослава, который, якобы, после похода перевел «многое число» хазар в русские города. А «самых хазар (без особой, впрочем, уверенности) В. Н. Татищев считал славянами»⁹⁶. Кузьмину соображение Татищева о славяноязычии древнерусских иудеев казалось «весьма вероятным»⁹⁷. Изгнанные Мономахом иудеи отправились в Европу, и «среди польских иудеев надолго сохранилось предание о том, что первоначально они жили на Руси и говорили на русском языке, а затем переселились в Польшу, где также сохраняли славянский язык, и лишь позднее, после изгнания иудеев из германских земель, здесь появились большие группы германоязычных иудеев, которые постепенно поглотили славяноязычные группы»⁹⁸.

Есть в статье еще один любопытный момент — замечание Кузьмина о том, что «в XI в. иудаизм оказывал влияние практически на все сферы общественно-политической жизни», даже на князей⁹⁹. Ведь то, что иудаизм не препятствовал ростовщичеству, «импонировало и определенной части окружения Святополка», да и Владимир Мономах, «видимо, не особенно был склонен ущемлять возможности ростовщиков»¹⁰⁰. По крайней мере, и на него иудеи возлагали надежды, поскольку в рассказе Татищева об обороне иудеями от киевлян синагоги содержится сообщение, что обороняющиеся просили христиан предоставить им время до прихода Мономаха. Последний же «вовсе не проявляет энтузиазма в отношении требований киевлян вообще изгнать

⁹² Там же. С. 83.

⁹³ Там же. С. 84.

⁹⁴ Там же. С. 85.

⁹⁵ Там же. С. 84.

⁹⁶ Там же. С. 84.

⁹⁷ Там же. С. 86.

⁹⁸ Там же. С. 89.

⁹⁹ Там же. С. 85.

¹⁰⁰ Там же. С. 85.

из страны иудеев... отказ Владимира решать вопрос без совета с остальными князьями выглядит своеобразной отсрочкой, попыткой успокоить киевлян»¹⁰¹.

Картина, нарисованная исследователем — проникшие во все сферы жизни иудеи, опутавшие своими сетями даже князей и их окружение — в известной степени выдает мировосприятие человека, с юности склонного верить в существование заговора неких тайных сил. Кузьмина, судя по всему, беспокоила проблема существования всепроникающих сионистов, способных поставить под свой контроль элиту какого-нибудь государства (Киевской Руси, а в современном ему мире, например, США), и он, используя свои возможности, попытался организовать с ним борьбу. В 1973 г. в «Вопросах истории» начинается серия публикаций о сионизме: Кислов А. К. «Белый дом и сионистское лобби» (№ 1); Востоков Л. «Антинародная деятельность сионистов в России» (№ 3); Евсеев Е. С. «Из истории сионизма в царской России» (№ 5); Большаков В. В. «Критика сионизма в советской историографии» (№ 9); Сергеев С. «Некоторые особенности развития сионизма в США» (№ 11). Маловероятно, чтобы эта серия публикаций была связана лишь с очередным обострением на Ближнем Востоке — произошедшей в октябре 1973 г. войне между Египтом и Сирией, с одной стороны, и Израилем, с другой. Между написанием, присылкой в редакцию, решением о публикации и самой публикацией в научном журнале проходило в советское время не меньше года. Война произошла только в октябре, а публикации начались уже в январе. Вряд ли советскую общественность, таким образом, заранее готовили к событиям. Известно, что египтяне поставили Советский Союз в известность о возможной войне только в феврале 1973 г. и ее вероятность не вызывала у советских руководителей большого энтузиазма¹⁰². Скорее, публикация этих статей явилась личной инициативой А. Г. Кузьмина, естественно согласованной с руководящими товарищами. Интерес к сионизму подтолкнул его к общению с людьми, знавшими проблему и искавшими возможности публикаций по ней (среди опубликованных тогда в «Вопросах истории» самой колоритной фигурой без сомнения был Е. С. Евсеев). У Кузьмина, вероятно, накапливались эти статьи, а в 1973 г., улучив благоприятный момент, он смог дать им ход.

В то же году начинается и «падение» А. Г. Кузьмина. Противопоставивший себя всем, исповедующий «странные» научные идеи, проповедующий, по мнению многих, «маргинальные» взгляды на окружающий мир, «антисемит» Кузьмин слишком многих раздражал. А. А. Зимин (которому, по его мнению, А. Г. Кузьмин закрыл доступ в «Вопросы истории»¹⁰³), считал, что в журнале «Аполлон творил все, что хотелось. Печатал приятелей и нужные ему статьи»¹⁰⁴. «Устали» от Кузьмина и в самой редколлегии: «Трухановский был взбешен от деятельности Аполлона, который казалось бы, все делал, чтоб пересоорить Труха с влиятельными историками (академиками и Лих., а Трух метил и сам в академики)»¹⁰⁵. Кузьмину «по-товарищески» советовали «сосредоточиться на ком-нибудь одном (ну, скажем, Лурье)»¹⁰⁶. А. Г. казался неуправляемым. В результате прозвучало предупреждение — в том же 1973 г. в «Вопросах истории» (№ 8) появилась статья за подписью самых авторитетных, последовательных и, в силу своего большого влияния, опасных научных противников А. Г. Кузьмина — Д. С. Лихачева, В. Л. Янина и Я. С. Лурье — «Подлинные и мнимые вопросы ме-

¹⁰¹ Там же. С. 84.

¹⁰² *Примаков Е. М.* Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами (вторая половина XX — начало XXI века). М., 2006. С. 149-150.

¹⁰³ *Зимин А. А.* Храм науки. С. 319.

¹⁰⁴ *Зимин А. А.* Храм науки. С. 221.

¹⁰⁵ Там же. С. 221.

¹⁰⁶ Там же. С. 221.

тодологии изучения летописей». Она была помещена в разделе «Письма и заметки» (в качестве письма в редакцию) и содержала жесткую, неприятную по стилю критику построений А. Г. Кузьмина о летописании¹⁰⁷.

Надо сказать, что уже за год до этого в «Истории СССР» появилась статья Л. В. Черепнина, содержащая критику методов исследования А. Г. Кузьмина¹⁰⁸. Через год появится статья с замечаниями А. А. Зимина, относящимися к большому научным выводам, сделанным А. Г. Кузьминым¹⁰⁹. Я. С. Лурье в 1970-х гг. (да и позднее) будет продолжать критиковать А. Г. Кузьмина с завидной постоянностью¹¹⁰. Именно Я. С. Лурье в статье «О некоторых принципах критики источников», опубликованной в том же 1973 г., напишет, что «Кузьмин предлагает наряду с «традиционным» шахматовским методом применить иной метод — «проверку достоверности отдельных известий». Конкретно этот метод выражается в привлечении отдельных известий из разных (частью поздних) источников и определении их достоверности и соответствия «действительности» «по существу», т. е. самих по себе, независимо от оценки источника в целом». Далее Я. С. Лурье констатирует: «Выборочное использование отдельных «вероятных» известий из источника со ссылкой на их соответствие «действительности» нередкое явление в историографии». И хотя речь в обоих случаях идет о разных вещах — «проверке достоверности» и «выборочном использовании» — он подведет общий итог: «Подобный подход к источнику получил в 30-х годах наименование «потребительского отношения» к источнику»¹¹¹. Таким образом, он обвинит А. Г. Кузьмина в том же, за что тот сам несколько ранее упрекал Н. Ф. Котляра. Все это было обидно, но появление неприятной статьи Лихачева, Янина и Лурье в «Вопросах истории», где Кузьмин был заместителем главного редактора, знаменовало начало ослабления его позиций или, даже, наступающий закат деятельности в этой должности.

К 1975 г. происходит и охлаждение в отношениях А. Г. Кузьмина и Б. А. Рыбакова. Причиной, вероятно, стали нежелательные для Б. А. Рыбакова тенденции в развитии еще одного направления в изысканиях А. Г. Кузьмина — проблемы происхождения имени и народа русов. Поскольку этому направлению в изысканиях А. Г. я посвятил специальную большую работу, в которой довольно подробно показал, как менялись взгляды Кузьмина на проблему руси и варягов на протяжении нескольких десятилетий — с 1960-х по 2000-е гг.¹¹², далее считаю возможным лишь обозначить основные вехи этого процесса.

Интерес А. Г. Кузьмина к данной проблематике начинается с публикации в 1967 г. в сборнике «Новое о прошлом нашей страны», посвященном памяти М. Н. Тихомирова, статьи «К вопросу о происхождении варяжской легенды». Вопрос в ней ставился, правда, не о новых источниках о прошлом, а о дополнительной информации, содержащейся в давно известных текстах летописей, и, в конечном счете, новом

¹⁰⁷ Лихачев Д. С., Янин В. Л., Лурье Я. С., Подлинные и мнимые вопросы методологии изучения летописей // Вопросы истории. 1973. № 8. С. 194-203.

¹⁰⁸ Черепнин Л. В. Спорные вопросы изучения Начальной летописи в 50-70-х годах // История СССР. 1972. № 4. С. 48-49, 51-59.

¹⁰⁹ Зимин А. А. О методике изучения древнерусского летописания // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. 1974. Т. 33. № 5. С. 454-464.

¹¹⁰ Лурье Я. С. Избранные статьи и письма. СПб., 2011. С. 54-55, 56, 60-62, 65-66, 73; Лурье Я. С. О возможности и необходимости при исследовании летописей // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР. Т. 36. Л., 1981. С. 14-25.

¹¹¹ Лурье Я. С. Избранные статьи и письма. С. 55.

¹¹² Королев А. С. Проблема происхождения имени и народа русов // В поисках истины: ученый и его школа. М., 2012. С. 257-359.

прочтении этих летописей. Таким образом, переход А. Г. Кузьмина к проблематике, которая со временем станет его «визитной карточкой», был вполне понятен. А. Г. обращает внимание, что текст ПВЛ дает «два взаимоисключающих ответа» на вопросы, с которых начинается летопись: «Основная версия историю Руси отождествляет с историей племени полян, а начало Киевского княжества связывает с Кием. Другая версия отождествляет «Русь» с варягами, а начало Руси связывает с Новгородской землей и призванием туда варягов»¹¹³. Отметив давно установленный «вставной характер» «Сказания о призвании варягов», Кузьмин со ссылкой на исследования Н. К. Никольского, замечает, что в ПВЛ «варяжская легенда появилась взамен киево-полянской концепции происхождения Руси», попавшей в летописание из «Повести о полянах-руси»¹¹⁴. Таким образом, «речь шла не о соединении двух концепций, а о замене одной концепции другой»¹¹⁵. Полемизируя с А. А. Шахматовым, считавшим, что «Сказание о призвании варягов» «было внесено в киевский так называемый «Начальный свод», или «Свод 1095 г.» из новгородского источника середины XI в.», А. Г. Кузьмин принимает вывод Б. А. Рыбакова, который, «следуя по пути, намеченному Н. К. Никольским, и развивая некоторые его положения», пришел к выводу, что «норманская традиция была создана лишь близким Мстиславу Владимировичу редактором «Повести временных лет» около 1118 г.»¹¹⁶. Далее Кузьмин подкрепляет построение Рыбакова, доказывая прямо противоположное схеме Шахматова — «в Новгородскую летопись Сказание о призвании варягов попало все из той же третьей редакции «Повести временных лет» (1118 г.)»¹¹⁷. Разумеется, «шаткая династическая легенда» начала XII в. не могла идти ни в какое сравнение с устойчивой летописной традицией, называющей «Русью» «только Киевское Приднестровье»¹¹⁸. В последнем выводе не было ничего нового. А. Г. Кузьмин лишь подкреплял новыми аргументами концепцию происхождения Руси, которой придерживались М. Н. Тихомиров и Б. А. Рыбаков.

Но если «Сказание о призвании варягов» выдвигало на роль основателя династии русских князей Рюрика, то кто считался таковым в альтернативной версии происхождения русской княжеской династии? Ответ на этот вопрос А. Г. Кузьмин находит в «Слове о полку Игореве» и формулирует уже в другой статье. Он отмечает, что у «у автора «Слова» был свой особый источник, из которого он черпал сведения о прошлом. Этим источником едва ли не являлась поэтико-песенная традиция, существовавшая параллельно с летописной при дворах феодальной знати»¹¹⁹. В «Слове о полку Игореве» четыре раза употреблено прилагательное «трояни» («троян»), которое образовано, как полагает большинство ученых, от имени собственного «Троян». По мнению А. Г. Кузьмина «Слово» предлагает свою «оригинальную историческую концепцию», «по которой Троян признается либо основателем династии русских князей, либо первым киевским правителем, либо тем и другим вместе»¹²⁰. Троян — это некое «славянское божество», а, учитывая, что в «Слове» «русичи представлены как «внуки» — потомки

¹¹³ Кузьмин А. Г. К вопросу о происхождении варяжской легенды // Новое о прошлом нашей страны. Памяти академика М. Н. Тихомирова. М., 1967. С. 42.

¹¹⁴ Там же. С. 42.

¹¹⁵ Там же. С. 43.

¹¹⁶ Там же. С. 43.

¹¹⁷ Там же. С. 52.

¹¹⁸ Там же. С. 52.

¹¹⁹ Кузьмин А. Г. «Слово о полку Игореве» о начале русской земли // Вопросы истории. 1969. № 5. С. 53.

¹²⁰ Там же. С. 59.

солнечного бога — Дажьбога», А. Г. и в почитании Трояна видит культ предка, которому «воздавались полубожеские почести»¹²¹.

Положение о первоначальном понимании в источниках Руси «в узком смысле», «как Приднепровья», из которого исходили в специальных работах Тихомиров и Рыбаков, Кузьмин станет развивать и в другой своей статье¹²². В ней, среди прочего, он будет критиковать и Д. С. Лихачева, который, «полемизируя прежде всего с М. Н. Тихомировым, пытался обосновать мысль о том, что первоначальным является употребление «руси» в широком смысле, а локализация этого этнонима в Приднепровье относится уже к периоду феодальной раздробленности. Исходя именно из этого убеждения, Д. С. Лихачев стремился всякое упоминание «руси» в Начальной летописи прочитать в соответствии с его широким значением»¹²³. Здесь, как и следовало ожидать, А. Г. Кузьмин солидаризировался с А. Н. Насоновым и Б. А. Рыбаковым, раскритиковавшими мнение Д. С. Лихачева.

В этих работах Кузьмина «варяжская легенда» выглядит неприглядно — позднее наслоение, закрывшее первоначальную картину, на которой были когда-то изображены вовсе не варяги-норманны, а поляне-русь, к тому же наслоение нанесенное иноземцами, искусственно поддерживаемое официальной властью в течение столетий и т. д. Эти выводы были изложены А. Г. Кузьминым и в его монографии 1969 г.¹²⁴ Но уже в следующем году во взглядах А. Г. на «варяжский вопрос» произойдут серьезные изменения. Вероятно, в какой-то момент Кузьмин осознал, что поддерживаемое им представление о «варяжской легенде» противоречит его концепции летописания. Получалось, он отказывался от легенды о призвании варягов, исходя из ее позднего внесения в летописи, что было нелогично и непоследовательно. Ведь и в этом случае «варяжская легенда» по логике А. Г. является отражением некоей историографической (летописной) традиции и имеет право на существование как источник не меньшее, чем более ранняя «повесть о полянах-руси». Надо было искать выход из тупика, и Кузьмин нашел его, обратив внимание на работы антинорманистов XIX в., в советское время практически забытые.

Результатом этих изысканий стала появившаяся в 10-м номере «Вопросов истории» за 1970 г. большая статья Кузьмина «Варяги» и «Русь» на Балтийском море». Проанализировав летописное сообщение о разделении земель между сыновьями Ноя, А. Г. приходит к выводу, что варягов ПВЛ помещает на «территории славянского Поморья»¹²⁵. И поскольку варяги-русь — это население славянского Поморья, а также областей, тяготевших к Новгороду, то ничто уже не мешает принять на веру «варяжскую легенду» полностью, в том числе и то, что новгородцы происходят «от рода варягов». Ведь славянство варягов-руси позволяет объяснить почему «варяжские» города — Новгород, Изборск, Белоозеро — носят типичные славянские имена»¹²⁶.

Руси в Скандинавии не знают ни саги, ни другие западноевропейские источники. Зато «в западных источниках Русь именуется Russia или Ruthenia с некоторыми вариантами и производными от них», а еще «первый издатель Прусской хроники Петра из Дюсбурга Г. Гарткнох, столкнувшись с «рутенами» на Балтийском побережье, пришел к выводу, что так назывались жители острова Рюген»¹²⁷. Так от русов

¹²¹ Там же. С. 65.

¹²² Кузьмин А. Г. Две концепции начала Руси в Повести временных лет // История СССР. 1969. № 6. С. 81-105.

¹²³ Там же. С. 87.

¹²⁴ Кузьмин А. Г. Русские летописи как источник по истории Древней Руси. С. 100-111, 156-159.

¹²⁵ Кузьмин А. Г. «Варяги» и «Русь» на Балтийском море // Вопросы истории. 1970. № 10. С. 32.

¹²⁶ Там же. С. 52.

¹²⁷ Там же. С. 39.

происходит переход к рутенам, а далее — к Рюгену. Главным городом Рюгена была Аркона и А. Г. Кузьмин, вслед за чешским арабистом Й. Хрбеком, отождествляет с Рюгеном загадочную «третью группу» русов Артанию (ведь созвучие «Аркона» с «Артания» просто «очевидно») ¹²⁸. И сразу же (в качестве дополнения к выводам Хрбека) А. Г. производит новое отождествление Рюгена — с не менее загадочным для историков островом русов ¹²⁹. От Рюгена А. Г. «перебрасывает мостик» к тому факту, что в X в. «Балтийское море в германских официальных документах принимает название «*mare Rugianorum*» ¹³⁰. Отсюда возникает вопрос, кто же такие руги? С одной стороны — это жители Рюгена, с другой — некоторая часть континентального населения, поскольку руги (роги) — когда-то одно из значительных объединений в рамках гуннского союза, и в V в. существовал племенной союз ругов на реке Мораве (Ругиланд). Руги в ходе великого переселения народов рассеиваются по разным местам, хотя, «как и во многих других аналогичных случаях, со старых мест снималось не все население, а только часть его. Как раз на Балтике Иордан называет «раниев» и «ругиев», выделяя особо «ульмуругов», то есть островных ругов». Далее А. Г. обращает внимание на то, что еще в середине XIX в. Ф. Л. Морозкин указал большое количество топонимов «Русь» по всей Европе, но «взятые вне системы эти данные скорее мешают, чем помогают обоснованию его тезиса о единой природе этого имени», а «русская» топонимика всюду следует за ругами, проникая даже в Африку ¹³¹. Впрочем, Кузьмин признает, что возможны «случайные» созвучия и поэтому «русская топонимика» в Африке его тогда не интересует. К «неслучайным» же созвучиям он относит «росомонов» и «роксаланов» («ираноязычных росов или роксов»), не исключая, что эти этнические группы входили «особым компонентом», наряду с ранами и ругами, в «прибалтийское объединение» ¹³². Конечно, «весьма вероятно», что «в разных случаях мы имеем дело с различными этническими группами. Но в Прибалтике в X-XII вв. имя «Русь» связывается с определенным этническим массивом, хотя территориальные границы этой «Руси» весьма нечетки и неустойчивы» ¹³³. А. Г. Кузьмин обращает внимание читателей на факты «смешения «Ругии» и «Руссии», встречающиеся в источниках, считая этнонимы «руссы» и «рутены» (которые «были перемешаны с другими этническими группами на Поморье»), как и понятия «Русь» и «Ругия», «взаимозаменяемыми» («причем речь обычно идет и об островах и о побережье») ¹³⁴.

Говоря о характере отношений между Русью Приднепровской и Поморской, А. Г. Кузьмин считал их явлениями сосуществующими. И в этом отношении он решительно размежевался с близким ему, но изложенным раньше, построением В. Б. Вилинбахова, который, также, развивая тезис Й. Хрбека о принадлежности «Руси» части Поморья, «перенес туда все три ее группы». Этим Вилинбахов по существу «отрицает самый факт существования Киевской Руси в это время» и тем «решительно подрыывает свои позиции». Здесь А. Г. по-прежнему сохраняет приверженность трудам М. Н. Тихомирова, Б. А. Рыбакова других ученых, в которых было «твердо установлено, что именно Приднепровье являлось колыбелью древнерусской народности и культуры. В свете этого вывода (а не в противоречии с ним) и должны рассматриваться любые данные о Поморской Руси». Что же касается трех групп русов из арабских источников,

¹²⁸ Там же. С. 39.

¹²⁹ Там же. С. 39-40.

¹³⁰ Там же. С. 40.

¹³¹ Там же. С. 41.

¹³² Там же. С. 41.

¹³³ Там же. С. 41.

¹³⁴ Там же. С. 42.

то Куява — это Приднепровье. Славия — не Новгородская земля (как принято считать в историографии), а «Славия» западных источников, то есть Западное Поморье. В таком случае «Артании» как раз останется место между Куявой и Славией»¹³⁵. Исходя из этого, Кузьмин не считает невероятной и мысль о том, что Поморье и Приднепровье «некогда составляли единое целое» политически¹³⁶. Возможно, представители русской княжеской династии когда-то княжили в Поморье. И это «может нам объяснить, почему киевский князь Олег устанавливает размер дани с Новгорода в пользу варягов, почему послы рюгов выступают от имени княгини Елены-Ольги, а князья Владимир и Ярослав едут «за море», как в собственную вотчину»¹³⁷.

В результате, норманны вообще исчезали из ранней русской истории, а все советские ученые, признававшие ту или иную степень участия скандинавов в экономической или политической жизни Древнерусского государства, становились в той или иной степени норманистами (точнее, «неонорманистами»). В другой своей статье, уже начала 1971 г., А. Г. Кузьмин, касаясь проблемы современных «норманизма» и «антинорманизма», разделил коллег на норманистов, признающих «преобладание норманнов в господствующей прослойке на Руси» (это ленинградские археологи Л. С. Клейн, Г. С. Лебедев, В. А. Назаренко), авторов, точку зрения которых «едва ли стоит относить к «антинорманистской» (В. В. Мавродин, А. Я. Гуревич и некоторые другие, у кого «прослеживается тенденция решить многолетний спор норманистов и антинорманистов своего рода компромиссом»), и «антинорманистов» (причем «крайним антинорманистом» следует считать лишь М. Н. Тихомирова, который «вообще признавал правящую династию местной, славянской», в отличие от более гибкого Б. А. Рыбакова, который «в ряде работ признает реальность Рюрика и допускает скандинавское происхождение династии русских князей»)»¹³⁸.

Надо ли говорить, что установление этих рангов норманизма пополнило ряды недоброжелателей А. Г. Кузьмина новыми членами. Однако ответ на статью появился за подписью крупнейшего антинорманиста — польского историка Г. Ловмянского. В критической, хотя и доброжелательной статье «Руссы и руги» Ловмянский проанализировал примеры наименования острова Рюгена Ruthenia в житиях Оттона Бамбергского и четырехкратного именованя русов ругами в западных источниках — два раза в Германии, один раз в Англии, один раз во Франции. Критик пришел к выводу, что это ошибочное (именно, ошибочное, а не потому, что речь идет об одном и том же народе!) отождествление русов и рюгов, оно имеет книжное происхождение, а происходит из норманнского окружения киевских князей. Нигде в Европе Ловмянский не натолкнулся на следы автономных западных центров распространения этого термина. В итоге польский исследователь предложил считать Поморскую Русь «фиктивным» центром русов, созданным «в лексическом порядке».

И все же статья Г. Ловмянского была полезна для А. Г. Кузьмина. Во-первых, видный польский ученый назвал написанное советским коллегой «интересным» и согласился с фактом существования в период средневековья двух концепций происхождения имени и народа русов, пусть даже и путем признания, что «в основе одной концепции лежал исторический факт, известный летописанию по традиции, в основе другой — норманская комбинация, переданная русскому летописанию»¹³⁹. Во-вторых, вывод Г. Ловмянского о том, что «в западные источники эта фикция

¹³⁵ Там же. С. 54.

¹³⁶ Там же. С. 54.

¹³⁷ Там же. С. 55.

¹³⁸ Кузьмин А. Г. Болгарский ученый о советской историографии начала Руси («Исторически преглед». София. 1970, кн. 3) // Вопросы истории. 1971. № 2. С. 186-187.

¹³⁹ Ловмянский Г. Руссы и руги // Вопросы истории. 1971. № 9. С. 52.

попала в период Олега — Ярослава Мудрого благодаря посредничеству того норманского элемента, который, возобновляясь постоянно новыми пришельцами, сохранял пока в некоторой своей частице особый этнический характер и особые традиции»¹⁴⁰, выглядел довольно искусственным и не убеждал.

Конечно, выступление А. Г. Кузьмина не пересилило (и не могло пересилить) общего скепсиса, но статья «Варяги» и «Русь» на Балтийском море» достигла своей цели — представления автора о летописании стали логичными и приобрели законченность. Именно поэтому А. Г. Кузьмин поспешил внести свои новые выводы в текст готовящейся докторской диссертации, заметив, что хотя «варяжская легенда» и «недостоверна во всех своих основных положениях», ее «нельзя считать совершенно беспочвенной», поскольку она «отражает факт реального передвижения славяноязычного в своей массе населения с южных берегов Балтики на восток»¹⁴¹. В то же время в статье «Варяги» и «Русь» было мало оригинальных мыслей. А. Г. Кузьмин по существу повторял давно написанное, но неостребованное. В работе мелькали имена М. В. Ломоносова, Ю. И. Венелина, С. А. Геденова, И. Е. Забелина, «несправедливо забытого» Ф. Л. Морошкина¹⁴² и других антинорманистов XVIII-XIX вв. При этом речь не шла о возвращении забытых имен в науку — это уже было сделано, ведь «довольно полный обзор» их работ было «можно найти в статьях ленинградского филолога В. Б. Вилинбахова»¹⁴³. Все, в общем, было в духе времени — в конце 1960 — начале 1970-х гг. в отечественной историографии появилась тенденция возвращения к старине XIX в. — тогда же советские исследователи, которых А. Г. Кузьмин отнес к норманистам, начали то, пока еще осторожное, движение к норманизму в духе М. П. Погодина и А. А. Куника, достигшее цели к 1990-м гг., а И. Я. Фроянов приступил к публикации своих работ с доказательствами положения о позднем установлении на Руси феодальных отношений (на новом уровне аргументации возвращаясь к представлениям, принятым до революции). А. Г. Кузьмин, разумеется, считал это недостаточным. К тому же он чувствовал уязвимость некоторых своих положений (тут и неясности с распространением «русской топонимики» за пределами Поморья и Приднепровья, и проблемы номенклатуры днепровских порогов и имен словес в договорах русских князей с греками в X в.). В результате А. Г. продолжил свои изыскания и в 1974 г. опубликовал в № 11 все тех же «Вопросов истории» новую статью «Об этнической природе варягов (к постановке проблемы)».

В статье исследователь вновь повторяет, частично усиливая, основные аргументы в пользу того, что варяги были не скандинавами, а выходцами с южного побережья и островов Балтийского моря, но оговаривает, что «локализация варягов у южного побережья Балтики сама по себе не решает вопроса об их этнической принадлежности. Прибалтика издавна отличалась крайне пестрым составом населения. С одной стороны, здесь были условия для длительного сохранения остатков древних этнических общностей (на островах, например), а с другой — сюда неизменно докатывались волны великих переселений народов»¹⁴⁴. Затем А. Г. напоминает о том, что «помимо Руси, варяги хорошо были известны еще в Византии», а у Скилицы (XI в.) и Кедрина (XII в.) имеется «прямое указание» на то, что «варанги, по происхождению кельты,

¹⁴⁰ Там же. С. 52.

¹⁴¹ Кузьмин А. Г. Начальные этапы древнерусского летописания. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. С. 29-30.

¹⁴² Кузьмин А. Г. «Варяги» и «Русь» на Балтийском море. С. 44.

¹⁴³ Там же. С. 28.

¹⁴⁴ Кузьмин А. Г. Об этнической природе варягов (к постановке проблемы) // Геденов С. А. Варяги и Русь. М., 2004. С. 583-584.

служащие по найму у греков»¹⁴⁵. Эти варяги-кельты чрезвычайно заинтересовали Кузьмина, поскольку кельты, будучи «одной из крупнейших ветвей индоевропейских народов», «расселились весьма широко, повсеместно смешиваясь с предшествующим населением»¹⁴⁶. Далее, взяв на вооружение построение ранее критикуемого им А. А. Шахматова о том, что «славяне и германцы некогда были разделены между собой племенами венедов, или венетов», т. е. кельтов, А. Г. Кузьмин замечает, что «именно в Прибалтике кельты подчинили славян, что способствовало распространению имени венедов также на славянские племена»¹⁴⁷. Отсюда распространялось и влияние кельтов на Поморскую Русь, а широкое распространение кельтов в Европе в раннее средневековье, казалось, позволяло объяснить и не менее широкое распространение топонимов с корнем «рус»-«рос». Правда, корень «рус» и без того «широко распространен в индоевропейских языках», этот «корень отразился, в частности, в имени аланского союза племен — роксолан, значительная часть которых ушла из Причерноморья в глубь Западной Европы». Кроме того в Причерноморье в первых веках н. э. обитало «племя «росомонов», то есть «народ рос»¹⁴⁸.

Теперь, при помощи «иранизмов» и «кельтской антропонимии», с учетом, разумеется, «балтофинского элемента», можно было свести к минимуму влияние на имена русов германских языков, а происхождение «русских» названий днепровских порогов освободить от норманнского влияния, найдя им «аналогии из иранских языков». Этому посвящена вторая половина статьи А. Г. Кузьмина¹⁴⁹. Любопытно, что и собственно славянские имена среди русов, по мнению А. Г. Кузьмина, были «известны мало»: «Большинство дошедших до нас имен — это титулы князей (Святослав, Владимир, Всеволод и т. д.)... В договоре Игоря, помимо княжеских имен Святослава и Володислава, к славянским можно отнести имена Воист, Воико, Синко, Сфирько, причем славянскими они опять-таки являются в результате переосмысления заимствованных имен, прежде всего, по-видимому, кельтских»¹⁵⁰.

Статья 1974 г. была не только большой по объему, но и чрезвычайно сложной для прочтения и понимания. Слишком много в ней было имен, географии, материалов из разных языков и слишком велик был набор исторических эпох, через которые А. Г. Кузьмин «янул» к IX-XI вв. свою «кельтическую» или «роксоланскую» русь. Однако эта статья содержала гораздо больше самостоятельных выводов (даже в сравнении со статьей 1970 г.) и означала появление новой концепции происхождения имени и народа руси, концепции интересной, но весьма осложнившей жизнь своему создателю.

Поиски «русов-кельтов» противопоставили А. Г. не только норманистам и тем, кого Кузьмин выделял в качестве «сочувствовавших» и не менее жестко критиковал (а всё это были люди влиятельные, в основном ленинградцы), но и традиционным антинорманистам, привычно представлявшим русов славянами Поднепровья (тут преобладали москвичи, во главе с Б. А. Рыбаковым). Не простили его и те, кого он задел, отстаивая свое понимание источника, те, кто продолжал линию в источниковедении, идущую от Шахматова и Приселкова. Кузьмин оказался на положении одиночки, противопоставившего себя всем «школам», «группам», «цехам» и «гнездам», существовавшим на таком, в общем-то, небольшом пространстве, как история Древней Руси. Не случайно, в одной статье 1973 г. у А. Г. вырвалась фраза о желательности

¹⁴⁵ Там же. С. 584.

¹⁴⁶ Там же. С. 585.

¹⁴⁷ Там же. С. 586.

¹⁴⁸ Там же. С. 595.

¹⁴⁹ Там же. С. 605-616.

¹⁵⁰ Там же. С. 607-608.

того, чтобы обсуждение в науке «шло с целью именно решения спорных проблем, а не ради сохранения престижа или даже монополии отдельных лиц или группки, внутри которой можно найти что угодно, кроме действительно научными интересами продиктованного единомыслия»¹⁵¹.

В тех условиях пребывание Кузьмина на посту заместителя главного редактора «Вопросов истории» становилось просто невозможно. В 1974 г. в журнале появляется еще одна антисоционистская статья Н. В. Осиповой «Произраильская коалиция в американском конгрессе» (№ 6). На этом поток статей этого направления прекращается. В середине 1975 г. в составе редколлегии «Вопросов истории» произошли серьезные изменения. Почти четыре года (с момента прихода в журнал А. Г. Кузьмина) здесь мало что менялось — после кончины в 1973 г. С. Д. Сказкина и ухода Е. М. Жукова, в редколлегию входили 15 человек. С № 7 за 1975 г. численность членов редакционной коллегии, по-прежнему возглавляемой В. Г. Трухановским, была доведена до 20, при этом из нее вышли Г. Н. Голиков, Н. Н. Демочкин, Л. Н. Нежинский, зато пополнили восемь новых членов, в том числе Б. А. Рыбаков и С. С. Хромов, одновременно покинувшие редколлегию «Истории СССР». А уже начиная с № 10 за 1975 г. А. Г. Кузьмин теряет должность заместителя главного редактора (с № 11 исполняющим обязанности становится И. В. Созин, который, как с досадой вспоминал позднее А. Г., на тот момент даже не был кандидатом наук — Созин защитит диссертацию только в 1986 г.). Смещение Кузьмина, как поговаривали в научных кругах, произошло «после какой-то “накладки”»¹⁵². Но вероятно, «накладка» стала лишь поводом. По наблюдению А. А. Зимина, проявлением обозначившегося между Б. А. Рыбаковым и А. Г. Кузьминым охлаждения стало то, что «по мере того, как фигура Кузьмина становилась одиозной..., Рыбаков стал делать вид, что он-де его не одобряет (Рыбаков, как и некоторые другие царствующие особы, любят показать, что они не такие уж, как отпетые громилы, поиграть, так сказать, не то что в либерализм, но в благодушие)»¹⁵³. Учитывая начавшиеся между ними расхождения и по научным вопросам, с появлением в редколлегии «Вопросов истории» самого Рыбакова — специалиста по Древней Руси и антинорманиста — пребывание там Кузьмина, уже потерявшего должность, стало ненужным. В начале 1976 г. он еще числится в редколлегии простым членом, но с № 4 исчезает из ее списка окончательно.

Потеря должности заместителя главного редактора, а затем и уход А. Г. Кузьмина из «Вопросов истории», как цепная реакция вызвали потерю им места в МГУ. К тому времени осложнились его отношения с «тонко чувствующим ситуацию» А. М. Сахаровым¹⁵⁴, возглавлявшим не только Лабораторию истории русской культуры, но в 1974 г. ставшим заведующим кафедрой истории СССР эпохи феодализма, и терпевшим Кузьмина в Лаборатории, как влиятельного издателя. Потеря положения в журнале означала необходимость ухода из Университета. А. Г. ушел и оттуда. Удачей для него в тех условиях стало поступившее в 1975 г. предложение перейти на работу в Московский государственный педагогический институт имени В. И. Ленина, где работал его приятель еще по Рязанскому ГПИ Э. М. Шагин. С историческим факультетом МГПИ (с 1990 г. — Московский педагогический государственный университет) Кузьмин и связал всю последующую жизнь.

Осенью 1977 г. А. Г. Кузьмин начал читать курс лекций по истории России периода феодализма на очном отделении истфака МГПИ. Пятидесятилетний бодрый

¹⁵¹ Кузьмин А. Г. К какому храму ищем мы дорогу? (История глазами современника). М., 1989. С. 321-322.

¹⁵² Зимин А. А. Храм науки. С. 221.

¹⁵³ Там же. С. 222.

¹⁵⁴ Там же. С. 222.

профессор заинтересовал студентов. В магазинах продавалась свежая монография Кузьмина «Начальные этапы древнерусского летописания», выпущенная издательством МГУ тиражом 6300 экземпляров, о прошлом лектора ходили какие-то интригующие слухи, но это было не главным. Привлекала симпатичная манера преподавателя излагать материал. Тогдашний первокурсник С. В. Перевезенцев позднее вспоминал первую лекцию А. Г.: «В битком набитую аудиторию вошел средних лет мужчина в темном костюме. Зачесанные вверх и назад вьющиеся темные волосы открывали крупный, можно сказать, “значительный” лоб. На несколько выдающемся вперед, с небольшой горбинкой носу сидят большие очки. Крупные кисти рук. И — очень добрая, немного ироничная, какая-то даже родительская улыбка... А потом, то складывая свои руки перед грудью “домиком”, когда длинные пальцы его крупных рук упирались друг в друга, то опираясь руками о спинку стула и покачивая его, то медленно расхаживая по аудитории, он начал говорить — негромким, спокойным голосом»¹⁵⁵. С годами манера чтения не менялась. Первокурсником мне довелось слушать лекции А. Г. осенью 1990 г. — все было также, только профессор был почти совсем седой.

Подкупала не только внешняя манера — это, как говорится, на любителя. Кузьмин практиковал проблемные лекции, заставлявшие воспринимать историю не просто как набор ярких картинок, разумеется, весьма полезных для будущих учителей истории. Его лекции стимулировали занятия наукой (тех, конечно, кто хотел ею заниматься). Студенты истфака МППИ были в основном выходцами из семей со средним достатком, интеллигентами во втором, а часто — в первом поколениях, публикой, которой новый преподаватель был социально близок. К тому же Кузьмин был прост в общении. Для меня, например, самой запомнившейся парой за время обучения в МПГУ стало одно из занятий спецсеминара А. Г., на которое профессор неожиданно принес гитару и в течение почти трех часов играл и пел, перемежая пение рассуждениями на тему воспроизведенного им довольно разнообразного по тематике, песенного материала. Для многих тогда была открыта поэзия Николая Рубцова, творчеством которого А. Г. был увлечен, пропагандировал и о котором даже написал небольшую статью¹⁵⁶.

В отличие от МГУ, обучение в котором предполагало раннюю специализацию студентов, будущие педагоги одинаково напряженно изучали историю всех стран и эпох. И истфак ленинского пединститута давал знания, позволявшие легко ориентироваться практически во всех исторических проблемах. Высокому качеству образования способствовало то, что, будучи по престижности получаемого диплома № 2 после МГУ, исторический факультет МППИ на протяжении нескольких десятилетий пополнял штат преподавателей теми, кто своим образом мыслей пришелся не ко двору в вузе страны № 1 или в научных институтах столицы. Здесь преподавали И. И. Минц, А. Л. Нарочницкий, Н. И. Павленко, В. Б. Кобрин и многие другие — всё это были профессионалы высочайшего класса. И Кузьмин среди них не затерялся. Вокруг А. Г. сразу же начал формироваться кружок из студентов (в дальнейшем неизменно пополнявшийся), занимавшихся у него особенно активно, часть которых стала его учениками. У кого-то общение с учителем продолжалось несколько десятилетий, вплоть до кончины профессора.

Не все было просто понять и воспринять первокурсникам, особенно когда А. Г. Кузьмин на первых же лекциях начинал излагать собственное понимание «варяжского вопроса». Известным отражением того хаоса, который возникал в уме даже

¹⁵⁵ Перевезенцев С. В. Русский характер. С. 175.

¹⁵⁶ Кузьмин А. Г. Русь в поэзии Николая Рубцова // Русский язык, культура, история: Сборник материалов II научной конференции лингвистов, литературоведов, фольклористов. Ч. II. М., 1997. С. 96-104.

старательного студента, когда он впервые сталкивался с учением А. Г. о русах, является стихотворение, написанное в 1978 г. одним из учеников профессора А. Ю. Карповым:

«Выскочил из хаты Рюрик,
Ошалев, заголосил:
«Кто же я, норман иль русич?
Или вовсе славянин?
Или кельт я? Братцы, дожил...
А норманов вовсе нет?
Или, может быть, о Боже,
Я неведомый венед?
Мол, язык славянский знаем...»
Замолчал, качнулся вдрут
И безумными глазами
Тупо посмотрел вокруг...
Тихо на Балтийском море.
Редкий крик — и тишина.
То кричат варяги с горя,
Начитавшись Кузьмина»¹⁵⁷.

Отмечу, что А. Г. сам любил цитировать это стихотворение, которое, по его мнению, являлось прекрасной иллюстрацией сложности и запутанности «варяго-русской» проблемы. А ему было важно донести свои идеи до будущих учителей, а, следовательно, и до их будущих учеников. Эта задача стала особенно актуальной для Кузьмина еще и потому, что в конце 1970-80-х гг. студенты и аспиранты МГПИ стали наиболее квалифицированной аудиторией, способной воспринимать его построения, поскольку тогда А. Г. оказался фактически на положении изгоя, отторгнутого академической наукой. О нем предпочитали умалчивать или распускали странные слухи. Если же речь и заходила о его «русах-кельтах», то в основном им находилось место в общих историографических очерках, где работы Кузьмина приводились в качестве научного курьеза.

Очень показательна в этом отношении статья 1983 г. И. П. Шаскольского «Антинорманизм и его судьбы», общий вывод которой, кстати, сводился к тому, что «антинорманизм, являвшийся течением идеалистической российской историографии, давно уже мертв, возрождение его на почве советской науки невозможно»¹⁵⁸. Кузьмину в очерке Шаскольского уделено особое внимание, ведь этот «московский историк» «стал целиком на позиции антинорманистов XVIII-XIX вв., считавших, что варяги-русь вышли только из западнославянского Поморья», а потом, «через 4 года», «отказался от данной концепции и предложил другое антинорманистское построение, согласно которому варяги были кельтами, пришедшими на Русь из Франции; построение это было тоже не новым, его еще в 1920-е годы впервые сформулировал украинский историк — белоэмигрант С. Шелухин»¹⁵⁹. В общем, нехорошо всё выглядело — мало того, что человек часто меняет свои взгляды, так и во взглядах этих ничего нового нет — все взял у немарксистов-идеалистов XVIII-XIX вв. и у белоэмигрантов-украинцев (какая гремучая смесь!). И Шелухин-то, оказывается, был одержим идеей создания не важно какой, главное — оригинальной концепции о русах, и, по мнению серьезного ученого В. А. Мошина (то, что он такой же «белоэмигрант», в статье не педалировалось), «эта

¹⁵⁷ Карпов А. Ю. Несостоявшийся визит. М., 2006. С. 24.

¹⁵⁸ Шаскольский И. П. Антинорманизм и его судьбы // Проблемы отечественной и всеобщей истории. Вып. 7. Генезис и развитие феодализма в России. Проблемы историографии. Л., 1983. С. 51.

¹⁵⁹ Там же. С. 51.

концепция через два-три десятилетия должна была бы приобрести «славу остроумнейшей сатиры на варягоборческие трактаты». А кое-кто не понял шутки, и «увы, нашелся историк, попытавшийся еще раз развивать данную концепцию»¹⁶⁰.

Всякому, кто возьмет на себя труд сравнить работы Шелухина и Кузьмина, станет понятно, что они абсолютно самостоятельны, и Кузьмин вовсе не выводил русов из Франции, но Шаскольский не стал утруждать себя, сообщив читателям, что в «ограниченных рамках данной статьи нет возможности разбирать аргументацию наших эпигонов антинорманизма». Он попросту отмахнулся от работ коллеги сообщением: «В отношении концепции о балтийско-славянской природе варягов достаточно указать, что эту концепцию не сумели убедительно обосновать ее многочисленные сторонники ни в XVIII, ни в XIX вв., и уже тогда стало ясно, что твердо доказать это построение невозможно. Мнение о кельтской природе варягов-руси еще более фантастично и недоказуемо. Показательно, что в советской исторической литературе эти работы Кузьмина были обойдены полным молчанием — их никто не принял всерьез, полемизировать с ними сочли просто неудобным»¹⁶¹. Вот так — и «несерьезно», и «неудобно». В общем, не замечайте, не позорьтесь! Все это было тем более обидно, что И. П. Шаскольский считался чуть ли не главным теоретиком-антинорманистом СССР. А Г. Кузьмину даже стало казаться: тут что-то нечисто, человек выдает себя за одного, в своей знаменитой книге пишет, что уже к 1960-м гг. «современный норманизм запутался в своих противоречиях, что противоречия эти неразрешимы; все попытки создания улучшенной, неуязвимой для критики норманистской концепции заведомо обречены на провал», но, несмотря на это, учитывая идеологическую вредность «современного норманизма», считает его «всестороннюю и глубокую критику» «важной и актуальной задачей советских историков»¹⁶² (а как же критиковать, не предлагая что-то взамен!), а проявляет себя (правда в статье, написанной на два десятилетия позже) как норманист, точнее, как скрытый норманист!

Статья Шаскольского определила отношение к Кузьмину среди «серьезных» ученых, как к эпигону «устаревшего» антинорманизма, беспринципно менявшему свои научные взгляды, изрядно замешанным на русском национализме¹⁶³. Как развитие одной концепции, с неизбежно возникающими изменениями и поправками, его работы почему-то не воспринимались. Обязательным сопровождением имени Кузьмина стало и обвинение в конъюнктуре. В частности, появление нашумевшей статьи 1974 г. даже связывали с подготовкой к подписанию заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, состоявшегося 30 июля — 1 августа 1975 г. в Хельсинки. В акте Совещания декларировалась неизблемость европейских границ, в том числе измененных в 1945 г. границ СССР в южной Прибалтике, и своей работой Кузьмин-де «пытался доказать давнюю принадлежность Руси земель на южном берегу Балтийского моря»¹⁶⁴. Действительно, совпадение во времени двух этих событий — статьи в узконаучном журнале и заключительного акта СБСЕ — замечательное, но как быть со статьей Кузьмина 1970 г. в тех же «Вопросах истории»? Ведь работа «Варяги» и «Русь» на Балтийском

¹⁶⁰ Там же. С. 51, прим. 53.

¹⁶¹ Там же. С. 51.

¹⁶² Шаскольский И. П. *Норманская теория в современной буржуазной науке*. М., Л., 1965. С. 214.

¹⁶³ См., например: Лурье Я. С. *Национализм и русская историография XX века* // Национальная правая прежде и теперь. Историко-социологические очерки. Ч. II. Российская консервативная идеология и современность. Вып. 1. СПб., 1992. С. 25-30, 36; Кобрин В. Б. *Кому ты опасен, историк?* М., 1992. С. 215-216.

¹⁶⁴ Кучкин В. А. Был ли Русский Север Варягией в праиндоевропейское время? // *Российская история*. 2010. № 4. С. 199-200.

море» не меньше, чем «Об этнической природе варягов», посвящена обоснованию положения о давнем присутствии «русских» на юге Балтики. А до подписания акта Совещания в Хельсинки тогда было еще очень далеко.

При изучении списка трудов А. Г. Кузьмина, опубликованных в последние советские полтора десятилетия, можно отметить одну тенденцию — постепенное уменьшение числа работ написанных для научных журналов и одновременное увеличение числа публикаций в литературных и научно-популярных изданиях¹⁶⁵. В научных журналах А. Г. какое-то время еще публикует рецензии на работы, содержание которых позволяло ему хотя бы мельком напомнить читателям о кельтах и венедах (о последних он теперь осторожно пишет, что они «не были славянами»), и об их влиянии на славян Балтики¹⁶⁶. Новых аргументов в этих публикациях практически нет — Кузьмин не получил адекватного ответа на свои более ранние работы, а потому было бы странно продолжать что-то доказывать, натываясь на стену молчания в ответ. Пока концепция не опровергнута оппонентами, она имеет право на существование, а потому Кузьмин считал позволительным опираться в новых работах на свои более ранние выводы, ничего к ним не прибавляя, но по возможности их пропагандируя. Для него вопросы о варягах и руси были, казалось, решены, но безглаговое неприятие этого решения коллегами, вытеснение Кузьмина на своеобразную обочину науки, привели к тому, что он теряет интерес к проблеме, и в первой половине 1980-х гг. практически ничего не пишет по проклятому варяго-русскому вопросу. Его теперь интересуют вопросы крещения Руси, он возвращается к изучению фигуры В. Н. Татищева. В 1981 г. в издательстве «Молодая гвардия» в серии «Жизнь замечательных людей» тиражом 100 000 экземпляров была выпущена книга А. Г. «Татищев». Фигура первого русского историка с его жизненными взлетами и падениями, неоднозначным отношением исследователей к татищевскому научному наследию, как никогда стала близка Кузьмину. На какое-то время «татищевская тема» вновь станет ведущей в его изысканиях. «По Татищеву» будут защищены первые диссертации учеников А. Г. Кузьмина — В. И. Вышегородцева (1986 г.) и С. В. Перевезенцева (1990 г.). В 1987 г. «Татищев» будет переиздан «Молодой гвардией» тиражом уже в 150 000 экземпляров.

Установлению контактов с «Молодой гвардией» в немалой степени способствовали связи с представителями «русской партии» — писателями и публицистами патриотического направления — появившиеся у А. Г. Кузьмина во время публикации им в «Вопросах истории» материалов по сионизму. С середины 1970-х гг. Кузьмин регулярно публикуется на страницах журнала «Молодая гвардия», продолжает он разрабатывать и сионистскую тему — в 1978 г. профессор участвует в написании книги «Идеология и практика международного сионизма» (книга будет переиздана в 1982 г. на болгарском и чешском языках). А с середины 1980-х гг. начинаются нашумевшие публикации А. Г. Кузьмина в другом патриотическом журнале — «Нашем современнике», в редколлегию которого он вошел в 1982 г. В 1980-х замешанная на историческом материале публицистика на страницах «Молодой гвардии», «Нашего современника»

¹⁶⁵ См.: Список научных трудов Аполлона Григорьевича Кузьмина // Великие духовные памятники России. С. 490-492; Список научных трудов Аполлона Григорьевича Кузьмина // Судьба России в современной историографии. С. 618-623.

¹⁶⁶ См., например, рецензии А. Г. Кузьмина на работы: И. А. Бронджерс. Аэрофотосъемки и исследование кельтских полей в Нидерландах // Вопросы истории. 1978. № 12. С. 193-195; Р. Я. Денисова. Антропология древних балтов // Вопросы истории. 1979. № 3. С. 156-159; Истоки культовых особенностей западнославянских языческих храмов // Вопросы истории. 1980. № 4. С. 165-166. А также статью: Кузьмин А. Г. Заметки историка об одной лингвистической монографии // Вопросы языкознания. 1980. № 4. С. 55, 56, 58-59.

и некоторых других изданий той же патриотической направленности становится главным направлением деятельности Кузьмина. Научная работа на какое-то время теряет для него актуальность, она кажется лишённой общественной значимости. Возможно, это было естественной реакцией А. Г. на неприятие его фигуры научными кругами. В своих статьях он теперь отзывается на новинки литературы, критикует Д. Градина и хвалит В. Чивилихина, пишет о методах научного познания, воюет с позитивизмом, отстаивает свое понимание диалектического материализма, рассуждает о понятиях «общечеловеческое» и «национальное», дискутирует с В. Оскоцким и Ю. Суровцевым, ввязывается в полемику с Л. Гумилевым¹⁶⁷.

В 1985 г. А. Г. Кузьмин вновь возвращается к вопросу о варягах-русах и публикует статью «Об истоках древнерусского права». Задачей статьи являлось сравнение правовых обычаев полян-русов, живших близ Киева, и окружавших их славян. Материалом послужило этнографическое введение ПВЛ и русско-византийские договоры X в. Сделанные сопоставления привели А. Г. к выводу: «в поляно-русском праве имеются черты, сближающие его с нормами германского обычного права и отличающие от норм соседних славянских племен»¹⁶⁸. Речь не шла о близости с норманнами IX-X вв. «Ближе других к обычному праву русов подходят готское право и баварское», в свою очередь испытавшие на себе «влияние местных кельтских традиций (племени боев)»¹⁶⁹. О контактах русов и готов свидетельствуют «Слово о полку Игореве» (поющие о времени Бусовом готские красные девы) и сага о Тидреке Бернском (середины XIII в.). В Тидрек-саге упоминаются «русские конунги», «русские люди» — враги Тидрека, прототипом которого А. Г. считает Теодориха Веронского, создателя королевства остготов (493-526 гг.)¹⁷⁰. А русские из саги — это обитатели «Русиланда», или «известного в V-VIII вв. «Ругиланда» — страны рогов, занимавшей территорию Нижней Австрии и верхнего Норика. Именно на территории Ругиланда позднее упоминается «Русская марка», «Руссия», «Рутения»¹⁷¹. Начиная с этой статьи, Кузьмин особое внимание уделяет ругам, и Дунай в его изысканиях начинает играть даже гораздо большую роль, чем Среднее Поднепровье и Южная Балтика. Руги-русы, рассеявшиеся по Европе, называясь «русами», «рузами», «руццами», «рутенами», пробираются «на восток по Западной Двине вплоть до Полоцка и Смоленска»¹⁷². Они «долго держатся обособленно, но затем «общность судеб приводит к слиянию русов со славянами, и они теперь осознают

¹⁶⁷ Наиболее заметные работы А. Г. Кузьмина этого периода были собраны в издании: Кузьмин А. Г. К какому храму ищем мы дорогу? (История глазами современника). М., 1989. Выпущено издательством «Современник» тиражом в 30 000 экземпляров.

¹⁶⁸ Кузьмин А. Г. Об истоках древнерусского права // Советское государство и право. 1985. № 2. С. 115.

¹⁶⁹ Там же. С. 115.

¹⁷⁰ Там же. С. 116.

¹⁷¹ Там же. С. 116.

¹⁷² Там же. С. 117.

себя славянским аристократическим родом»¹⁷³. В этой обособленности причина особых правовых обычаев полян-руси.

Статья 1985 г. знаменует очередной поворот во взглядах А. Г. Кузьмина на русов. Вышедшие с Дуная руги, с их неясным этническим происхождением, испытавшие на себе влияние кельтов и готов, рассеявшиеся по Европе в ходе великого переселения народов, растворившиеся в славянах, теперь полностью занимают внимание исследователя — их существование позволяло ему соединить все «Руссии» в один народ. Спустя два года Кузьмин опубликует научно-популярную статью «Одоакр и Теодорих», в которой разовьет тему «Дунайской Руси». Теперь он обнаружит поселения распространившихся повсюду из Подунавья ругов на землях лужицких сербов, «где «Русь» и «Русская земля» на границе Тюрингии и Верхней Саксонии, известные в средние века, дожили до XX века»¹⁷⁴. С этого момента он начнет замечать в средневековой Европе все новые поселения ругов-русов, осколков Дунайской Руси, вроде располагавшегося в Венгрии, у границ Австрии «Русского города» (по-венгерски Орошвара) — свидетельствующего, по мнению А. Г. Кузьмина, о поселениях русов на территории Великой Моравии IX в.¹⁷⁵

Учитывая популярный характер статьи «Одоакр и Теодорих», А. Г. не утруждал себя четкими ссылками на исторические источники, позволял смелые выводы и широкие обобщения. Вскоре это стало своеобразным «новым стилем» Кузьмина, в котором писались все его работы и в 1990-х гг. А статья «Об истоках древнерусского права», написанная на грани науки и публицистики, появившаяся на страницах не исторического, а юридического журнала, стала последней научной статьей А. Г. о русах, опубликованной в серьезном научном журнале. Кузьмин теперь обращается к массовому читателю, тому, кого не могли отпугнуть ни смелое заявление автора об участии ругов (т. е. ранних русов) в сокрушении Западной Римской империи, ни его представления о том, что под именем «ругов-русов» скрывались рыжие люди.

В 1980-х гг. А. Г. Кузьмин активно включается в компанию по популяризации трилогии исторических романов В. Д. Иванова (1902-1975) — знаковой фигуры для «русской партии»: «Повести древних лет» (1955 г. издания), «Русь изначальная» (1961 г.) и «Русь великая» (1967 г.). В 1985 г. издательством «Современник» тиражом 200 000 экземпляров был опубликован первый (по времени создания) роман трилогии Иванова, а в 1986 г. издание было повторено тем же тиражом. К изданиям было присоединено обширное послесловие, написанное А. Г. Кузьминым, в котором он в популярной форме излагал свои взгляды на варягов и русов и призывал читателей «считаться» с тем, что «название “Русь” мы встречаем в разных частях Европы»¹⁷⁶. «Русь» в источниках может иметь разные имена — «Руссия, Рутения, Ругия, а также менее известное — Руйяна. Только в Прибалтике можно указать четыре района, называвшиеся «Руссиями». Так назывался остров Рюген и какие-то прилегающие к нему территории. Это название применяется по отношению к области Нижнего Немана, к побережью Рижского залива у устья Западной Двины, и, наконец, такое название употребляется по отношению к Роталии — области западной Эстонии... Четыре «Руси» источникам известны и на территории Восточной Европы. Помимо основной, Приднепровской, источники выделяют Русь Прикарпатскую, Русь Азово-Тмутараканскую

¹⁷³ Там же. С. 118-119.

¹⁷⁴ Кузьмин А. Одоакр и Теодорих // Дорогами тысячелетий: Сборник исторических очерков и статей. Кн. 1. М., 1987. С. 114-115.

¹⁷⁵ Там же. С. 118-119.

¹⁷⁶ Кузьмин А. Г. Исторические романы Валентина Иванова // Иванов В. Повести древних лет. Хроники IX века. В четырех книгах одиннадцати частях. М., 1986. С. 456.

и Русь Прикаспийскую. А, кроме того, Русь — Россию, Рутению знали и в Центральной Европе. Это именно территория Норика, а также большей части будущей Австрии. Здесь много поселений с корнем «рос», «рус», а само название «Руссия» сохраняется вплоть до XVI века¹⁷⁷. Как видим, число «Руссий» заметно увеличивается, а история «Дунайской Руссии» продлевается уже до XVI в. И везде имя Руси распространилось благодаря ругам, которые «в первые века рассеялись по обширным пространствам»¹⁷⁸, а при соприкосновении со славянами «почти повсеместно ослабянились» — в Прибалтике, в Подунавье, в Богемии, в Польше и в Восточной Европе¹⁷⁹. Любопытно, что из этой модернизированной для массового читателя схемы почти исчезли кельты, хотя и упоминается «рассеявшееся по Европе кельтское племя руриков».

Еще более «фундаментальным» стало издание «Молодой гвардией» в 1986 г. «Руси изначальной». Им открывалась затейная издательством многотомная серия-библиотека «История Отечества в романах, повестях, документах». К солидному по объему роману В. Д. Иванова в качестве приложения была опубликована целая серия статей и документов. Автором статей, равно как и предисловий, составителем приложений вновь выступил А. Г. Кузьмин. В результате издание составило два больших тома и стало называться «Откуда есть пошла Русская земля. Век VI-X». Солидным по-прежнему был тираж двухтомника — 200 000 экземпляров. Сложный по языку роман, снабженный не менее сложными для понимания неподготовленного читателя материалами, он многим казался почти научным изданием. Недаром «Откуда есть пошла Русская земля» неизменно рекомендовался профессором Кузьминым студентам-первокурсникам в качестве пособия для изучения начальной русской истории. Несмотря на большой объем подготовленных комментатором материалов в двухтомнике было мало новых идей. А. Г. продолжал популяризировать уже сказанное ранее и коллекционировать все новые и новые «Руссии» от «области «Рузика», которая «входила в состав Вандальского королевства в Северной Африке» (теперь соединение Руси и Африки А. Г. Кузьмина не смущало) до «Пургасовой Руси» XIII в. на нижней Оке¹⁸⁰. Исходя из этого, самой интересной в двухтомнике стала попытка собрать воедино все упоминания о Руси. Результатом явилась выполненная А. Г. Кузьминым подборка сведений иностранных источников I-XVII вв. о ругах-русах (всего 162 известия), помещенная во втором томе издания. Составитель призвал читателей не смущаться разбросом информации по векам, ведь поздние источники «часто проливают свет как раз на процессы предшествующего времени. Наличие в Европе «Руссий» в этот период может оказаться основанием для понимания сведений о «русских» графах, герцогах и т. п. в VIII-IX веках, а также для понимания сюжетов саг и сказаний, в которых «рутены», «русские», воюют с готами, гуннами, данами еще в V-VIII веках»¹⁸¹. Перечень известий о русах А. Г. неслучайно считал главной ценностью двухтомника — в течение длительного времени (вплоть до выхода в 2003 г. в свет итоговой работы А. Г. Кузьмина «Начало Руси») комплекс приложений к «Откуда есть пошла Русская земля» оставался наиболее масштабной публикацией исследователя по варяго-русскому вопросу.

О варягах, ругах и «Руссиях», а также о крещении Киевской Руси А. Г. Кузьмин рассказывал и на международной конференции в Киеве в июле 1986 г., выступив там

¹⁷⁷ Там же. С. 456.

¹⁷⁸ Там же. С. 457.

¹⁷⁹ Там же. С. 458.

¹⁸⁰ Кузьмин А. Г. Предисловие // Откуда есть пошла Русская земля. Век VI-X. / Сост., предисл., введение и документы, коммент. А. Г. Кузьмина. Кн. 1. М., 1986. С. 16-17.

¹⁸¹ Кузьмин А. Г. Предисловие. С. 17. См.: Сведения иностранных источников о руси и ругах // Там же. С. 664-682.

с докладом «Русь в современной исторической науке»¹⁸². В самом докладе повторялись мысли, сформулированные в двухтомнике, но вот в ходе дискуссии по докладам А. Г. Кузьмин несколько отступил от готовой схемы и, на замечание финского профессора Х. Киркинена по поводу общепринятости мнения, будто слово «русь» имеет скандинавское происхождение, ответил: «Это вовсе не общепринятое мнение... У нас почти никто так не считает. Большинство наших историков считает русь многоязычной. Этому отвечает наследие черняховской культуры на территории Среднего Приднепровья, которая была создана племенами северных и прибалтийских народов. Что же касается названия русь, то мне представляется, что оно произошло от слова «родси», которое означает в финских языках «страну скал». Произведение его от речки Роси я считаю неудовлетворительным. Мне представляется наиболее важным другое: поскольку имя “русь” повсюду употребляется для обозначения ругов, Киевская Русь также называется Ругией»¹⁸³. С некоторыми изменениями текст доклада был опубликован в 1988 г. в Австрии. Тогда же А. Г. довелось посетить австрийский Зальцбург. Посещение территории предполагаемой «Дунайской Руси» произвело на советского профессора огромное впечатление и стимулировало, на эмоциональном уровне, его интерес к «дунайским корням» русов.

В работах 1970-х гг., когда в центре внимания А. Г. Кузьмина был южный берег Балтики, он много писал о влиянии, которое оказала Поморская Русь на язычество Руси Поднепровской. Теперь, спустя десятилетие, в связи с интересом исследователя к Дунаю и ругам, А. Г. начинает занимать проблема проникновения к киевским русам христианства посредством русов дунайских. Поскольку, по мнению профессора, «большинство русов-рутен в Центральной Европе оставались арианами вплоть до XII века, а отчасти и далее», А. Г. связывал с этим и появление арианского Символа веры (слов о том, что Святой Дух исходит не только от Бога-Отца, но и «от Сына» («*filioque*» по-латыни) в рассказе о речи греческого философа, обращенной к киевскому князю Владимиру Святославичу, в ПВЛ¹⁸⁴. Параллельно Кузьмин пытался разрешить и вопрос о загадочных «русских письменах», упоминаемых в Житии Кирилла — по мнению А. Г. речь в источнике шла о глаголице, использовавшейся арианами как тайнопись. Эти выводы с целью популяризации повторяются практически во всех работах Кузьмина этого периода¹⁸⁵. Однако специально данной проблематике были посвящены статья 1987 г. «Западные традиции в русском христианстве» и научно-популярная книжка «Падение Перуна», вышедшая в 1988 г. в издательстве «Молодая гвардия» тиражом в 150 000 экземпляров¹⁸⁶. Киевская конференция и обе эти работы были приурочены к празднованию Тысячелетия Крещения Руси, в мероприятиях, связанных с которым А. Г. Кузьмин, будучи членом КПСС и на тот момент вполне убежденным атеистом, принял активное участие.

¹⁸² Кузьмин А. Г. Русь в современной исторической науке // Тысячелетие Крещения Руси. Международная церковно-историческая конференция. Киев, 21-28 июля 1986 года. Материалы. М., 1988. С. 90-95.

¹⁸³ Там же. С. 99.

¹⁸⁴ Кузьмин А. Г. Исторические романы Валентина Иванова. С. 457-458. Впервые о чертах арианства в летописном символе веры А. Г. Кузьмин написал в 1980 г. Однако тогда он говорил об этом лишь в контексте влияния на православие кирило-мефодиевских традиций, идущих с Запада (См. Кузьмин А. Г. Принятие христианства на Руси // Вопросы научного атеизма. Вып. 25. Атеизм, религия, церковь в истории СССР. М., 1980. С. 28-31).

¹⁸⁵ См., например: Кузьмин А. Г. Об истоках древнерусского права. С. 118; Кузьмин А. Одоакр и Теодорих. С. 119-120.

¹⁸⁶ Кузьмин А. Г. Западные традиции в русском христианстве // Введение христианства на Руси. М., 1987. С. 28-48; Кузьмин А. Падение Перуна: (Становление христианства на Руси). М., 1988. С. 128-145, 155-160.

То «перестроечное» время, взбаламутившее окончательно притихшее было в первой половине 1980-х гг. советское общество, многих людей «заметных» (а А. Г. Кузьмин, являясь весьма полезным членом «русской партии», относился как раз к этой категории) подтолкнуло к активизации их общественной деятельности. Одних разговоров теперь было мало. Власть, стимулировав обсуждение слишком широкого спектра проблем прошлого — от Крещения Руси до сталинских репрессий, и далее, почти не останавливаясь, до современности — с одной стороны, сделала заметной роль всех специалистов и неспециалистов по этому прошлому, способных о нем написать, с другой — как бы призналась в неудовлетворительности этого прошлого и, в конечном счете, в собственном несовершенстве. А. Г. Кузьмин был, как и многие советские интеллигенты, не в восторге от существующей власти. На неприятные впечатления юности и на убежденность в двойственности окружающей жизни, на уверенность в наличии у нее тайной, нехорошей изнанки (что вело к выводу о лицемерии существующей власти) наложились свежие мелкие обиды — где-то что-то не опубликовали, в чем-то цензура ограничила, про Андропова говорили, что он не любил «русскую партию», пытался ее поприжать, а Кузьмин как раз из «них», вероятно, неприятности, шли «оттуда», что-то со мной будет, чего-то мне ждать и т. д. Все эти неприятности, или точнее подозрения о них, с одной стороны позволяли ощущать собственную значимость, с другой, в условиях более чем благополучной по советским меркам жизни, чувствовать себя в чем-то ущемленным властью.

Эти настроения А. Г. Кузьмина заметны по материалам, подготовленным профессором к изданиям исторических романов В. Д. Иванова. Здесь автор предисловий и послесловий обязательно касается проблемы «отношений власти и народа» — одной из «главных проблем, проходящих через все книги трилогии». Ведь «во все времена и у всех народов богатство, добытое неправедным путем, да и вообще богатство отрывает верхи общества от своего народа, толкает его в объятия к тем, кто враждебен собственным согражданам»¹⁸⁷. Описание Ивановым в романе «Русь изначальная» византийского деспотизма VI в. подталкивает А. Г. Кузьмина к выводу: «Власть — это машина для выжимания соков из народа»¹⁸⁸. Чтение этих страниц романа «невольное» заставляет Кузьмина сопоставить прочитанное с работой «К критике гегелевской философии права» К. Маркса, в которой классик «вскрывает суть современного ему монархо-бюрократического государства, в котором господствующий класс выдает свой частный интерес за всеобщий, а бюрократия корпоративные интересы за государственные»¹⁸⁹. Любопытна цитата, которую приводит А. Г.: «Бюрократия есть мнимое государство наряду с реальным государством... Всеобщий дух бюрократии есть тайна, таинство. Соблюдение этого таинства обеспечивается в ее собственной среде ее иерархической организацией, а по отношению к внешнему миру — ее замкнутым, корпоративным характером. Открытый дух государства, а также и государственное мышление представляется поэтому бюрократии предательством по отношению к ее тайне. Авторитет есть поэтому принцип ее знания, и обоготворение авторитета есть ее образ мыслей... Что касается отдельного бюрократа, то государственная цель превращается в его личную цель, в погоню за чинами, в делание карьеры». И затем Кузьмин дополняет К. Маркса своими соображениями, конечно, по поводу «современного буржуазного государства», где «мистификация приняла самые изощренные формы. Для массы населения реальная власть с ее разветвленной бюрократией и иерархией

¹⁸⁷ Кузьмин А. Г. Исторические романы Валентина Иванова. С. 459.

¹⁸⁸ Там же. С. 465.

¹⁸⁹ Там же. С. 460.

остаётся вообще невидимой. Но, в сущности, в подполье унесено то, что некогда существовало открыто или полуоткрыто...»¹⁹⁰.

При чем здесь начальный период русской истории?! А при том, что в летописном сказании о призвании варягов «над “землями” возвышается внешняя и извне пришедшая власть». Разумеется, в ней была потребность, ведь, «освободившись от варяжской дани, племена словен, кривичей, веси, чуди и мери утонули в усобицах. Поэтому они договорились пригласить в качестве третейского судьи князя извне». Иначе им было никак не объединиться. Но «достаточно взглянуть на карту, и станет ясно, что экономических потребностей в объединении обширнейшей территории союзов племен не было ни в IX веке, ни много позднее. Соединение разноязычных территорий могла осуществить только именно внешняя власть», поскольку «экономически целесообразная», местная, «земская власть не могла простираться на обширные территории»¹⁹¹. Опасаясь со стороны своих оппонентов обвинения в «немарксизме», А. Г. Кузьмин пишет: «Знаменитую формулу Энгельса, согласно которой “государство не может быть навязано извне”, следует понимать именно в таком духе. Но это не значит, что извне не может прийти господство внешней силы. Вся история становления феодализма и вообще государств Европы — это бесчисленные примеры навязывания власти извне, причем в ходе завоеваний возникают такие противоречия, которые в состоянии разрешить только Государство. И приходят извне обычно господствовать, а не просвещать запоздавшие в своем развитии племена и народы. Но результат столкновения внешних сил с местными может быть далеко не одинаковым. Имеет значение уже то обстоятельство, пришли ли иноземцы на новую территорию в поисках добычи или же мест для поселения, покинули ли они прежнюю территорию, движимые жаждой обогащения, или же их самих вытеснили более сильные и хищные соседи»¹⁹². В Киевской Руси «внешняя власть» взяла на себя «столь важную вообще в эпоху становления государственности и особенно важную на границе степи и лесостепи внешнюю функцию»¹⁹³. Но представители этой уже изначально чужой власти — «руги-русы» — «обычно всюду отличались известными претензиями на особое положение, кичились древностью рода, знатностью происхождения. С какими-то притязаниями выступал и “род русский” в Поднепровье»¹⁹⁴, соединивший выходцев из Поднепровья, Подунавья и Прибалтики»¹⁹⁵. Этот «род русский» (т. е. власть), главными занятиями которого были война и торговля, с точки зрения «хозяйственных потребностей», являлся «привеском», «совершенно излишним, паразитарным, на органичном теле славянских княжений»¹⁹⁶. И это при том, что, «по крайней мере, в X веке не несли межэтнического антагонизма. Русы ощущали себя аристократическим, но славянским же родом»¹⁹⁷.

Оттолкнувшись от идеи об изначальном противостоянии на Руси господствующего «рода русского» и подчиненного «славянского рода», А. Г. Кузьмин представляет и всю дальнейшую русскую историю временем вечного противостояния «Земли» и «Власти». Вот в XI в. «народ еще участвует в управлении, не позволяет власти слишком обособиться. Перелом наступит позднее. Татаро-монгольское иго более двух столетий давило народную самостоятельность, часто уничтожая и хранителей

¹⁹⁰ Там же. С. 461.

¹⁹¹ Кузьмин А. Г. Предисловие // Откуда есть пошла Русская земля... Кн. 2. С. 20-21.

¹⁹² Кузьмин А. Г. Исторические романы Валентина Иванова. С. 467.

¹⁹³ Кузьмин А. Г. Предисловие // Откуда есть пошла Русская земля... Кн. 2. С. 24.

¹⁹⁴ Там же. С. 23.

¹⁹⁵ Там же. С. 29.

¹⁹⁶ Там же. С. 23-24.

¹⁹⁷ Там же. С. 24-25.

традиций. Борьба за освобождение от ига укрепит авторитет великокняжеской власти и позволит ей встать над народом». «Земля» еще заявит о себе после «мрачного омута опричнины», в Смутное время, когда «она восстановит снизу развалившееся из-за пороков “верхов” государство. А отремонтированная машина отблагодарит “землю” введением крепостного права, все более освобождая общину от прав и нагружая ее всевозможными обязанностями. В XVIII веке разрыв станет непереходимым», и тогда, «в годы бироновщины, Измайловский полк будет в точности повторять приемы византийских императоров: в нем не будет не только русских офицеров, но даже и русских солдат». Правительство уже не будет скрывать «своей антинародной и антигосударственной сути». С этого времени «оторвавшаяся от народа власть служит лишь “мнимому” государству, спекулирует на идее “общего блага”, занимаясь вымогательством всюду, где только возможно. “Земля” же откупается взятками, и никакие иные отношения между занятой делом “землей” и паразитирующей на теле государства внешней властью невозможны». И даже уцелевший осколок «земской власти» — крестьянская община — будет задавлена настолько, что окажется «уже не способна что-нибудь противопоставить мощному репрессивному аппарату власти. Она теперь лишь усугубляла положение своих членов. Освобождение принесут новые социальные слои, объединенные новыми формами организации»¹⁹⁸.

Наверное, в последних словах А. Г. имел в виду революционный пролетариат, но в написанном чувствовался намек и на современность. Не случайными в этой связи были и сомнения Кузьмина в том, что «государство всегда благо». Нет, по его мнению, «государственные формы нужны лишь там и в той мере, где и в какой мере общество не справляется с внутренними противоречиями»¹⁹⁹.

Активизация с началом Перестройки деятельности русских патриотов всех мастей превратила журналы «Молодая гвардия» и «Наш современник» в своеобразные легальные центры структурирования этих сил. Празднование Тысячелетия Крещения Руси позволило этим центрам приступить к активной деятельности и придало их деятельности внешнюю форму — культура. Казалось, это путь негосударственного разрешения «внутренних противоречий», а может быть и первый шаг по пути к возрождению «земской власти». В результате, благодаря стараниям группировавшихся вокруг двух патриотических литературных журналов деятелей, 24 марта 1989 г. прошло учредительное собрание Московского городского добровольного общества русской культуры «Отечество», а 13 апреля того же года устав общества был утвержден решением исполнительного комитета Московского городского Совета народных депутатов. Так в позднем СССР возникло еще одно «неформальное объединение». Обществу выделили помещение, у него появился счет в банке. Наконец, 20 мая состоялась первая городская конференция «Отечества», на которой А. Г. Кузьмин был избран председателем правления. При определении целей и направлений работы общества, в его уставе, в частности, сообщалось, что «Отечество» будет содействовать «интернациональному воспитанию трудящихся, подъему их политической активности, направленной на культурное, историческое, экономическое, экологическое и демографическое возрождение русского народа и народов России». Содействовать обществу намеревалось и «выполнению планов, выдвинутых Коммунистической партией, советскими и государственными органами в области укрепления межнациональных отношений, направленных на удовлетворение духовных, национально-культурных, исторических и других интересов москвичей-русских». «Отечество» собиралось вести «работу среди москвичей по изучению истории,

¹⁹⁸ Там же. С. 33-34.

¹⁹⁹ Кузьмин А. Г. Исторические романы Валентина Иванова. С. 467.

культуры, фольклора, художественных ремесел, по восстановлению утраченных традиций русского народа», а также проводить «мероприятия, связанные с юбилейными датами, историческими событиями жизни и творчества выдающихся деятелей русской истории, науки и культуры, ...встречи с известными писателями, мастерами искусств, учеными-историками, деятелями технического творчества, экономистами, демографами, экологами, военачальниками и другими специалистами народного хозяйства, политики и культуры». Предполагалось уделять «постоянное внимание изучению и сохранению памятников истории и культуры русского народа», развитию «творческой активности рабочего класса и советской интеллигенции в Москве и за ее пределами». Члены общества собирались оказывать содействие «возрождению русского национального театра, русской музыкальной культуры, развитию русской материальной культуры», а также «отдельным гражданам и коллективам в создании кооперативов, мастерских русских ремесел, реставрационных мастерских, самостоятельных театральных групп, ансамблей и кружков русской музыки, танца, фольклора, художественного ремесла на основе хозрасчета и самоокупаемости». В связи с этим «Отечество» намеревалось взаимодействовать «с партийными и общественными организациями, с органами народного образования в деле высококравственного, трезвеннического и экологического воспитания подрастающего поколения» и способствовать «возрождению преподавания краеведения, начал реалистической русской школы живописи, ваения, хорового пения»²⁰⁰. Заместителем председателя Правления был избран Герой Советского Союза полковник А. В. Руцкой — будущий вице-президент РСФСР (он, правда, вышел из «Отечества» уже в начале 1990 г., проиграв выборы в народные депутаты СССР в мае 1989 г.). В значительной степени состав Правления составляли друзья и ученики Кузьмина, а в состав Совета «Отечества» (который во главе с Правлением должен был руководить всей текущей работой общества) вошли влиятельные деятели культуры, такие как, например, С. Ф. Бондарчук и В. Н. Ганичев. Много известных людей было и среди рядовых членов «Отечества».

Созданное вроде бы как «общество русской культуры», «Отечество» уже в 1990 г. включилось в кампанию по выборам народных депутатов и, в результате, 10 его членов стали депутатами Московского Совета, а около 30 — депутатами райсоветов Москвы²⁰¹. А. Г. Кузьмин вошел в число наиболее заметных общественных деятелей-неформалов. Правда, как и большинство подобного рода организаций «Отечество» не избежало раскола, произошедшего осенью 1990 г., но прежний председатель остался во главе правления уцелевшей части общества. Политическая борьба не помешала А. Г. в 1990 г. выпустить новую книгу. Это был изданный «Молодой гвардией» «Златоструй» — собрание текстов памятников литературы Древней Руси, подготовленное профессором совместно с его учеником А. Ю. Карповым. «Златоструй» предлагался в качестве первого выпуска многотомной философско-публицистической библиотеки «Дороги человеческой мысли». Как сообщалось в аннотации к изданию: «Задачи библиотеки — раскрыть перед молодыми читателями все богатство и многообразие философской и общественно-политической мысли человечества, познакомить его с шедеврами мировой культуры. Тома библиотеки включают в себя наиболее яркие произведения величайших мыслителей с древнейших времен до сегодняшнего дня, сопровождаемые обширными научно-публицистическими комментариями»²⁰². А. Г. Кузьмин вошел в редакционный совет библиотеки и, несомненно,

²⁰⁰ Отечество. Материалы конференции Московского городского добровольного общества русской культуры. М., 1989. С. 23-24.

²⁰¹ Воронин И., Конюхов К. Возрождение «Отечества» // Позитив. 1993. № 6. С. 4.

²⁰² Златоструй. Древняя Русь. X-XIII вв. / Сост., авторский текст, коммент. А. Г. Кузьмина, А. Ю. Карпова. М., 1990.

играл бы заметную роль в подготовке ее последующих томов. Одновременно «Молодая гвардия» затевала издание серии томов, содержащих переводы летописей, их также должен был выполнить А. Г. Кузьмин. Профессор уже подготовил перевод Лаврентьевской летописи. Наступающий 1991 г., казалось, должен был стать годом еще большего успеха А. Г. в политической и творческой деятельности. Тем страшнее оказалась разразившаяся тогда катастрофа.

Еще выступая 20 мая 1989 г. на конференции «Отечества» А. Г. Кузьмин говорил о том, что «сейчас, как и столетие назад, остро встал вопрос: капитализм или социализм», и предлагал исходить из того, «что высшей ценностью является Отечество, и социальный уклад не должен являться самоцелью. Хорош тот уклад, который наиболее полно удовлетворяет материальные и духовные потребности народа»²⁰³. Лично для А. Г. таким «укладом» был именно социализм, который, по мнению профессора, олицетворял «осуществление принципа социальной справедливости, то есть принципа, за который всю историю человечества борются социально приниженные слои населения, включая целые народы, и который неистребим, пока существует социальное неравенство». Последние слова — уже из ответа А. Г. Кузьмина на вопросы анкеты «Есть ли будущее у социализма?», предложенной журналом «Наш современник» в июле 1991 г. Спустя два года вопрос, который в мае 1989 г. казался отвлеченным теоретизированием, теперь был поставлен жизнью вполне конкретно, и Кузьмин убеждал читателей журнала: «При всех пороках нашего недостроенного социализма, всем правителям приходилось говорить о социальных гарантиях и что-то делать реальное в этом направлении. Даже в странах Восточной Европы, куда не слишком качественный социализм привносился извне, контрреволюции привели не только к резкому падению жизненного уровня, но — что не менее важно — и к потере уверенности в завтрашнем дне. А эта ценность подороже многих материальных. Поистине, «что имеем не храним, потерявши — плачем»²⁰⁴. Грянувшая вскоре в России «контрреволюция» уничтожила столь дорогой для А. Г. Кузьмина и его читателей принцип социальной справедливости.

Наблюдая крушение СССР и скатывание страны в «капитализм шестнадцатого века», А. Г. не мог не испытывать чувства разочарования в своей неформальной деятельности конца 1980-х гг., если не сказать больше — чувства раскаяния. Ведь организуя в 1989-м «добровольное общество русской культуры» и провозглашая «высшей ценностью» Отечество, А. Г. Кузьмин под Отечеством понимал в большей степени Россию, а не Советский Союз, казавшийся несокрушимым. И не случайно, выступая на майской конференции «Отечества», его председатель заявлял: «На протяжении многих десятилетий у нас сознательно и целенаправленно республики поднимались за счет России, за счет, главным образом, русского народа. Теперь из многих собственно русских областей вообще уже нечего взять. Это тоже одна из причин ухудшения положения на окраинах. У социальной психологии свои законы: виновными чаще всего признают именно тех, кто раньше давал, а теперь не дает или меньше дает. К тому же психологически нельзя уважать народ, который хуже всех живет. Мы должны дать объективную историю межнациональных отношений на протяжении всей нашей более чем тысячелетней истории. Ничуть не потеряло значение предупреждение, прозвучавшее в начале 20-х годов: русский колониализм отличается от британского. Если в Англии метрополия живет за счет колоний, то в России — колонии за счет метрополии»²⁰⁵. Что же из всего этого следовало?

²⁰³ Отечество. С. 3.

²⁰⁴ Есть ли будущее у социализма? // Наш современник. 1991. № 7. С. 123-124.

²⁰⁵ Отечество. С. 5-6.

А следовала резолюция конференции, требовавшая, в частности, «полной информации о бюджетах республик, начиная с 1922 года, о их вкладах в союзный бюджет, об объеме ввоза и вывоза готовой продукции или сырья». Но для чего?! Ответ вполне понятен — для подтверждения тезиса о том, что республики Союза все время его существования жили за счет РСФСР. И при этом россияне в этом государственном образовании занимали положение людей второго сорта. Недаром конференция обращалась «к КПСС, Съезду народных депутатов с настоянием предоставить Российской Федерации равное с другими республиками право иметь Российскую академию наук, Российское телевидение, новые российские печатные издания по истории, культуре, духовной жизни народа»²⁰⁶. Заостряя проблему таким образом, Кузьмин и его соратники объективно способствовали пробуждению в России национализма, т. е. того самого чувства, опасность которого для существования «несправедливого» к русским СССР прекрасно осознавали все его лидеры от Сталина до Горбачева, для которых поэтому нивелирование положения России в Союзе имело принципиальное значение, так как погубить Советский Союз мог только пробудившийся российский национализм. На нем и сыграло в конечном итоге российское руководство во главе с президентом Б. Н. Ельциным, подписывая знаменитые беловежские соглашения.

Будучи в числе «сеявших ветер» (как тут не вспомнить приведенную выше фразу профессора о том, что «экономических потребностей в объединении обширнейшей территории союзов племен не было ни в IX веке, ни много позднее»), А. Г. Кузьмин в полной мере «пожал бурю». Солидное положение профессора, доктора наук в обществе первоначального накопления превратилось в ничто. Варварские реформы правительства Гайдара несомненно ударили по финансовому положению Кузьмина. А. Г. никогда прямо не жаловался на свои личные финансовые потери, но они, конечно же, были.

Необходимо заметить, что, имея довольно высокие доходы, жил профессор скромно. Трехкомнатная кооперативная квартира у метро «Коньково», обставленная типовой мебелью и полками с книгами по всем свободным стенам до потолка, появилась у А. Г. Кузьмина еще в начале 1970-х гг. А. Г. был неприхотлив в одежде и питании. Автомобиля не имел. У него была дача в деревне Конюшково близ Москвы — приличный участок земли, на одном краю которого стояла большая запущенная крестьянская изба постройки конца 1910-х гг., на другом — недостроенная баня, а между ними — с десяток старых яблонь. Участок был окружен ветхим палисадником. Всё, кроме бани, оставалось таким, каким было с первоначальных времен — с момента покупки в те же 1970-е. Баню профессор когда-то решил построить для брата — тот болел, и А. Г. надеялся, что жизнь в подмосковной деревне пойдет ему на пользу. Но брат умер, и строительство бани остановилось навсегда. В ней был устроен сеновал и склад старых журналов «Крокодил» — для комфортного размещения на ночлег многочисленных гостей, бывавших в Конюшково, которым не хватало места в основном доме, также полным книг и журналов (но уже научных). В дачу А. Г. ничего не вкладывал, но, на удивление, яблони, которыми никто не занимался, регулярно обильно плодоносили, а одичавший малинник, казалось, был всегда полон ягод. Каждую осень А. Г. собирал учеников в Конюшково и раздавал урожай. Зная об этом, все предусмотрительно запасались рюкзаками. В Кузьмине не было ничего крестьянского, ничего от «хозяина земли». Дача была местом для творчества и шумных застолий «вскладчину», с песнями под гитару, разговорами — все это профессор очень любил, неизменно поражая своих гостей неутомимостью и «стойкостью». Вспоминается как однажды, где-то в середине 1990-х гг., среди собравшихся на даче оказался отставной офицер МВД

²⁰⁶ Там же. С. 21-22.

(один из бывших активистов «Отечества»). Он, видно «крепкий хозяин», был поражен увиденным «запустением» — принялся активно перемещаться по участку, планируя всевозможные улучшения: это спилить, то вырубить, здесь расчистить, там починить и т. д. — тут же организовал собравшихся на работы (все были непрочь что-то сделать для учителя), начали что-то носить, строить, пилить. И за всем этим с недоумением и недовольством наблюдал хозяин участка, призывавший присутствующих прекратить заниматься «ерундой» и заняться, наконец, тем, ради чего собрались — вернуться к столу. В конце концов, все с радостью откликнулись на призывы учителя. В доме и на даче А. Г. Кузьмина всегда было весело. Вплоть до конца 1996 года...

Возвращаясь к вопросу о последствиях экономических «преобразований» начала 1990-х гг., повторяю, что потери были. Два последних советских десятилетия положение А. Г. Кузьмина в материальном смысле можно признать по тогдашним меркам более чем благополучным. Начиная с 1981 г., в течение последующих десяти лет, у него ежегодно выходили в свет книга или несколько статей. Как известно, все это в СССР хорошо оплачивалось, плюс к тому — большая профессорская зарплата, которую Кузьмин получал в МППИ. Дочери давно выросли, у них были свои семьи, к 1991 г. А. Г. четырежды стал дедом²⁰⁷. При том, что сам Кузьмин привык довольствоваться лишь самым необходимым, можно предположить, что большая часть получаемых им гонораров оседала на сберегательной книжке, составив солидную сумму, которая и была «съедена» гайдаровскими реформами²⁰⁸.

Другим следствием произошедших общественных изменений стала утрата А. Г. Кузьминым политического веса. После августа 1991 г. московские власти лишили «Отечество» помещения, начался отток из «добровольного общества русской культуры» членов, мечтавших о более активных формах борьбы с новым режимом и, потому предпочитавших иные общественные объединения. И хотя до конца своих дней Кузьмин формально оставался председателем правления «Отечества» (он даже некоторых членов этого правления периодически собирал), организация фактически прекратила свое существование осенью 1991 г., а все поздние попытки некоторых членов общества его реанимировать потерпели фиаско. А. Г. еще какое-то время приглашали на разные патриотические съезды, семинары и прочие посиделки, популярные в первой половине 1990-х гг., и даже иногда усаживали в президиум, но он сам чувствовал, что приходит новое поколение настоящих политиков, мобилизованных на эту роль складывающейся исторической обстановкой и слабо разбирающихся в заслугах членов «русской партии» 1970-80-х гг. А роль статиста профессора не устраивала. Оставалось уже привычное занятие — публицистика. Правда, когда «Наш современник» занялся популяризацией работ давнего кузьминского оппонента — Л. Н. Гумилева, А. Г. возмутился и, в результате, в 1992 г. выпал из редколлегии журнала. И тогда он с удвоенной энергией начал писать статьи для «Молодой гвардии», «Литературной России»

²⁰⁷ Киселев А. Ф. «Я человек слишком российский по своему воспитанию». С. 18.

²⁰⁸ Для сравнения приведу отрывок из мемуаров начала 1990-х гг. другого активно публиковавшегося в 1970-80-х гг. представителя «русской партии» М. Лобанова — автора, вышедших в ЖЗЛ «Аксакова» и «Островского»: «Никогда, как сейчас, не знал, что такое нищета, и был свободен от «власти денег»... Деньги как бы сами собою шли ко мне. Солидная зарплата доцента Литинститута (работаю там с 1963 года), дополнительные заработки (внутренние рецензии в издательствах, отзывы как члена приемной комиссии Союза писателей и т. д.) да еще пенсия инвалида Отечественной войны — выходила зачастую немалая сумма в месяц. Ничего из этого я в сберкассе никогда не клал, деньги как-то расходились незаметно... А в сберкассе переводился гонорар с книг, так что за десятилетия набралось там накануне «реформ» девяносто тысяч рублей». (Цит. по изданию: Митрохин Н. Русская партия: Движение русских националистов в СССР. 1953-1985 годы. М., 2003. С. 390).

и других, менее известных оппозиционных изданий. В 1993-1995 гг. у Кузьмина, в среднем, выходило десять статей в год «актуального», если так можно выразиться, характера. Науки в них не было — это была весьма острая публицистика, в которой автор высказывался по поводу текущих событий²⁰⁹.

На фоне всех этих работ А.Г. несколько выделяется статья «Истоки русского национального характера», написанная в 1993 г. для Вестника Московского университета (уже по названию понятно, что и эта работа носит публицистический характер)²¹⁰, а также текст выступления профессора «Об этнониме “варяги”» на конференции «Дискуссионные проблемы Отечественной истории в вузовском и школьном курсах», проводившейся Арзамасским государственным педагогическим институтом им. А. П. Гайдара в сентябре того же 1993 г.²¹¹. С Арзамасом было связано и еще одно важное событие, произошедшее в жизни А. Г. Кузьмина в 1993 г. — здесь был опубликован подготовленный им перевод Лаврентьевской летописи. В условиях всеобщего развала начала 1990-х Кузьмину пришлось распрощаться с проектом выпуска серии переводов летописей, более того, под угрозой оказалось и издание уже готового материала. В итоге Лаврентьевская летопись вышла в издательстве Арзамасского ГПИ. А. Г. написал вступительную статью к тексту перевода, в книге имелись примечания и указатели, выполненные профессором совместно с его учеником В. В. Фоминым, тогда преподававшим в Арз. ГПИ²¹². Издание имело довольно убогий вид, но было рекомендовано Министерством науки, высшей школы и технической политики Российской Федерации в качестве учебного пособия для студентов и аспирантов гуманитарных институтов и университетов. Кузьмина, к тому времени привыкшего к тиражам, исчислявшимся сотнями тысяч экземпляров, смутило то, что «учебное пособие» было выпущено в количестве 15 000 экземпляров. Для книги, выпущенной в 1993 г. это был весьма крупный тираж, но профессор считал его мизерным и в итоге оказался прав — этот перевод Лаврентьевской летописи остался практически незамеченным научным сообществом.

Зато явно избыточным оказался тираж другого издания, подготовленного Кузьминым в том же году — брошюры «Кто в Прибалтике “коренной”?». Автор считал появление такого рода работы необходимым. Она была адресована русскоязычному населению Прибалтики и могла, как представлялось А.Г., быть использована русскими «в порядке самообороны», в отстаивании своих интересов в дискуссиях с эстонскими и литовскими националистами, которых Кузьмин прямо называл «нацистами». Кузьмин формулирует главную мысль брошюры следующим образом: «Итак, на нынешних территориях все народы — пришельцы. Одни раньше, другие позднее, одни больше сохранили исконного (чаще всего это признак отсталости), другие меньше»²¹³. Ну, а далее, на страницах помещенного в брошюре исторического экскурса, он приводит факты устойчивого присутствия (военного, политического, экономического) русских в Прибалтике с древности и до конца XVI в. И, естественно, начинает свой экскурс с напоминания о живших на южном берегу Балтийского моря

²⁰⁹ Публицистические статьи А.Г. Кузьмина периода 1990-х годов собраны в издании: Кузьмин А. Г. Мародеры на дорогах истории. М., 2005.

²¹⁰ Кузьмин А. Г. Истоки русского национального характера. С. 13-22. В более расширенном виде статья была издана в том же году в сборнике статей «Русский народ: историческая судьба в XX веке» (С.22-38) и позднее в «Мародерах на дорогах истории» (С.14-34).

²¹¹ Кузьмин А. Г. Об этнониме «варяги» // Дискуссионные проблемы Отечественной истории. Арзамас, 1994. С. 4-11.

²¹² Се Повести временных лет (Лаврентьевская летопись) / Сост., авторы примечаний и указателей А. Г. Кузьмин, В. В. Фоми; вступительная статья и перевод А. Г. Кузьмина. Арзамас, 1993.

²¹³ Кузьмин А. Кто в Прибалтике «коренной»? М., 1993. С. 3.

варинах-вэрингах и ругах-русах²¹⁴. Тридцатидвухстраничная «Кто в Прибалтике «коренной»?» была выпущена при финансовой поддержке возглавляемого С. Н. Бабуриным «Российского общенародного Союза», к которому были близки К. Р. Конюхов и И. А. Воронин (два ученика А. Г.), гигантским по тем временам тиражом в 40 000 экземпляров. Всю массу пачек, в которые была упакована брошюра, привезли в рабочий кабинет А. Г. Кузьмина на истфаке Московского педагогического государственного университета и сложили, вдоль одной из стен почти до потолка. Идея профессора отправлять брошюры в суверенные Латвию, Эстонию и Литву с проводниками поездов не получила реального воплощения, распродать «Кто в Прибалтике «коренной»?» также не удалось. Так они, ненужные, и пролежали долгие годы.

Это была самая масштабная попытка А. Г. Кузьмина повлиять на ситуацию, сложившуюся на постсоветском пространстве, используя накопленные им исторические материалы. Еще меньший эффект давали другие публикации — значение толстых журналов стремительно падало. Мало народа привлекали теперь и проводившиеся Кузьминым с начала 1990-х гг. публичные лекции на общественно-политические темы, в 1993-1996 гг. их посещала одна и та же «верная» публика, насчитывавшая в общей сложности не более сотни человек, которых убеждать ни в чем уже не требовалось.

Ощущение тщетности усилий что-либо изменить, разочарование в деятельности последних лет имели своим результатом попытку А. Г., наконец, заняться наукой. В 1996 г. он публикует первую за десять лет большую собственно научную статью. Она называлась «Руги и русы на Дунае» и была помещена в сборнике «Средневековая и новая Россия», вышедшем к 60-летию И. Я. Фроянова. В 1970-80-х гг., когда выходила знаменитая фрояновская трилогия «Киевская Русь», Кузьмин критически оценивал идеи ленинградского коллеги относительно общественно-политического строя Древней Руси. Ему казалось, что Фроянов пытается в особенностях развития Руси X-XII веков увидеть «просто след отсталости»²¹⁵. В 1990-х оценки Кузьмина поменялись, и он начал отзываться о Фроянове с неизменной симпатией. Между двумя профессорами вообще было много общего: семья обоих пострадала в период сталинских репрессий; оба приехали завоевывать столичные научные центры — МГУ и ЛГУ — из провинции (ставропольчанин Фроянов на восемь лет моложе рязанца Кузьмина); оба преуспели в столицах; оба предложили в 1970-х гг. свой, оригинальный взгляд на историю Древней Руси, опиравшийся на историографические традиции XIX в., приобретя скандальную славу в научных кругах, и оказавшись на «особом» положении в науке; оба восприняли гибель СССР и последовавшие за ней события, как личную трагедию. В отличие от Фроянова, Кузьмин активно участвовал в неформальном движении второй половины 1980-х, И. Я. втянулся в «политику» в начале 1990-х, но также, как и А. Г., ударился в публицистику. В статьях обоих этого направления явно просматривалась уверенность в том, что процесс разрушения СССР, а затем и России, носит искусственный, управляемый извне характер. Будучи деканом истфака и заведующим кафедрой истории СССР СПбГУ, Фроянов в начале 1990-х гг. казался крупной фигурой среди деятелей патриотического лагеря. Установив контакты с санкт-петербургским отделением общества «Духовное наследие», поддерживавшим на президентских выборах 1996 г. лидера КПРФ Г. А. Зюганова, Фроянов принял активное участие в избирательном процессе, чем в дальнейшем донельзя усложнил свое положение. Оказавшись как бы по одну сторону баррикад, Кузьмин и Фроянов начали общаться лично. Осенью 1995 г. Фроянов посетил истфак МПГУ, и в тот же день знакомство продолжилось в неформальной

²¹⁴ Там же. С. 4.

²¹⁵ Кузьмин А. Г. Исторические романы Валентина Иванова. С. 466.

обстановке на квартире у Кузьмина. Между профессорами установились дружеские отношения, которые Кузьмин с гордостью называл «военно-политическим союзом». Еще одним своим союзником А. Г. считал О. Н. Трубачева, с которым был дружен и к которому относился с огромным уважением.

Статья «Руги и русы на Дунае» практически не содержала нового материала и в основном носила полемический характер. За два десятилетия, пока А. Г. Кузьмин по существу находился вне академического научного процесса, в силу вошло новое поколение исследователей. Объектом его критики становится А. В. Назаренко, который «в последнее время... интенсивно занимается» «территорией бывшего Ругиланда»²¹⁶. С конца 1970-х гг. А. В. Назаренко провел огромную работу и в результате выявил в баварских и австрийских актах IX-XIV вв. (с привлечением в некоторых случаях материалов XV в.) 45 антропонимов, 24 топонимов и 70 случаев, «когда связь с именем «Русь» возможна, хотя и не является, на наш взгляд, наиболее вероятным толкованием». Итоги изысканий были подведены им в большой статье, опубликованной в 1984 г.²¹⁷ И эти выводы не могли не озадачить А. Г. Кузьмина. А. В. Назаренко сообщал, что им было «просмотрено около 900 актовых единиц VIII-IX вв.», и в этих актах не зафиксировано «ни одного упоминания имени Ruozī, позднее столь популярного», а «имя “Русь” встречается однажды». За X в. исследователь просмотрел 800 актов, и в них «имя “Русь” не упомянуто ни разу, антропоним Ruozī — один раз в Регенсбурге и максимум трижды в TradFreis». Зато в XI в. «наблюдается резкий всплеск распространенности как имени на Ruoz-, так и имен, связанных с этнонимом «русь». Еще чаще имя «Русь» и его дериваты встречаются в XII в. «Для XIII-XIV вв. имеем более смазанную картину», но имя «Русь» с производными источники продолжают фиксировать²¹⁸. Что же из всего этого следовало? По мнению А. В. Назаренко, упоминания о Руси, начиная лишь с XI в, связаны «с обстоятельствами русско-дунайской торговли, пик которой приходится на XI-XII вв.»²¹⁹. Таким образом, выводы А. В. Назаренко вырывали почву из-под концепции А. Г. Кузьмина о дунайской родине русов. Если до XI в. на территории «Ругиланда» не встречается имени «Русь» и его производных, то как можно выводить русов отсюда? Конечно, Кузьмин выводил с Дуная ругов, но ведь он считал этнонимы «руги» и «русы» взаимозаменяемыми. Статья содержала и соображения Назаренко, досадные для Кузьмина лично. Назаренко писал: «Слишком часто исследователь, решая вопрос о происхождении народа русь, совершает законный путь от определенной совокупности источников к осмысляющей их концепции, а затем, перейдя к вопросу о происхождении имени «Русь», вдруг вступает на обратный и совершенно порочный путь: от уже готовой этноисторической концепции к источнику; иными словами, лингвистический анализ подменяется подыскиванием «подходящих» лексем, призванных служить лингвистическим оправданием исторической теории»²²⁰. Никаких фамилий не называлось, и все-таки было неприятно. Удар был тем более болезненным потому, что, в отличие от А. Г. Кузьмина, выпускник романо-германского отделения филологического факультета МГУ А. В. Назаренко имел прекрасную лингвистическую подготовку.

²¹⁶ Кузьмин А. Г. Руги и русы на Дунае // Средневековая и новая Россия. Сборник научных статей. К 60-летию профессора И. Я. Фроянова. СПб., 1996. С. 134.

²¹⁷ Назаренко А. В. Имя «Русь» и его производные в немецких средневековых актах (IX-XIV вв.) // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1982 г. М., 1984. С. 86-129.

²¹⁸ Там же. С. 123-124.

²¹⁹ Там же. С. 124.

²²⁰ Там же. С. 87.

Статью Назаренко 1984 г. Кузьмин «не заметил», да и полемизировать с ней ему было некогда — захватили общественная деятельность и публицистика. Но спустя десять лет А. В. Назаренко в своей монографии «Русь и Германия в IX-X вв.» повторил с некоторыми поправками ранее сделанные им выводы о проникновении на Дунай имени «Русь» и его производных вместе с купцами, приходившими сюда из Киевской Руси. Исследователь даже предложил описание пути русов из Киева в Регенсбург через Прагу. Он специально коснулся и проблемы соотношения этнонимов «руги» и «русы» на примере Раффельштеттенского таможенного устава начала X в., в котором содержится упоминание о славянах, приходящих в Восточную Баварию «для торговли от ругов или богемов». По мнению Назаренко, «руги» здесь — это киевские русы, и источник «недвусмысленно трактует “ругов” не как туземных славян, а как иностранцев, приравнивая их в правовом отношении к чехам (“богемам”), таможенные сборы с которых подробно регламентированы. Тем самым “славянам из Ругиланда” попросту не остается места на карте»²²¹. А вместе с ними с карты исчезла и Дунайская Русь. Относительно же именованья в некоторых источниках русов ругами, Назаренко писал, что «термин “Rugi” применительно к руси” является «случайным омонимом» более раннего «реального этнонима “Rugi”»²²².

Отказываться от своих прежних выводов А. Г. Кузьмин не собирался, а потому и молчать было более нельзя. Но что можно было противопоставить выводам оппонента, столь фундаментально обоснованным? Оставалось, повторив основные положения собственной концепции, сетовать, что «ценнейшие лингвистические наблюдения» у А. В. Назаренко «вошли в противоречие с принятыми историческими постулатами, которыми выявляемые автором материалы заранее отвергнуты как случайные, непонятные, недостоверные. И автор не сумел вырваться из плена “единой веры и единой меры”. В итоге оказалось, что топонимами с корнем “рус” Подунавье засорили приезжавшие из Киева гости, а замену “ругов” “русам” автор не стал обсуждать и на лингвистическом уровне». Ранее особо не церемонившийся с оппонентами, А. Г. Кузьмин мягко с А. В. Назаренко: «Сказанное, разумеется, не упрек, а сожаление, что автор остановился на той черте, с которой могло бы начаться исследование, коренным образом меняющее многие устоявшиеся представления»²²³. Собственно, с результатами проведенного Назаренко анализа актового материала Кузьмин и не спорит. Он пишет о необходимости «расширения поиска по крайней мере до индоевропейского уровня», заявляя, что, судя по выводам Назаренко, «русский» вопрос на германском материале не решается»²²⁴. А. Г. Кузьмин обращает внимание на то, что его построение, согласно которому именно расселение ругов по Европе дало название многочисленным «Русиям», позволяет прояснить некоторые запутанные моменты средневековой истории, в то время как выводы А. В. Назаренко ограничивают научный поиск, да и собранные им многочисленные данные о русах на Дунае «не вмещаются в рамки» концепции об их связи с русско-дунайской торговлей XI-XII вв.²²⁵ Вряд ли все это могло разуверить А. В. Назаренко в его правоте.

1996 г. стал для А. Г. годом многочисленных расстройств и одной страшной трагедии, перевернувшей его жизнь. Это был год невозможной, по мнению А. Г. Кузьмина, победы Б. Н. Ельцина на президентских выборах в июле и унижительного поражения России в Чечне в августе. Профессор внимательно следил за ходом боевых

²²¹ Назаренко А. В. Русь и Германия в IX-X вв. // Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования. 1991 год. М., 1994. С. 23.

²²² Там же. С. 43, прим. 7.

²²³ Кузьмин А. Г. Руги и русы на Дунае. С. 134.

²²⁴ Там же. С. 134.

²²⁵ Там же. С. 138-139.

действий на Кавказе, неизменно, и в своих статьях, и публичных лекциях, отстаивая государственную целостность России. Этим, кстати, он сильно раздражал часть своих читателей и слушателей, мечтавших о перерастании «империалистической» войны на Кавказе в «революционную», и призывавших не оказывать никакой поддержки «антинародному режиму» Ельцина. Разочарование Кузьмина по поводу избрания Ельцина, его возмущение молчанием народа, «проглотившего» очередное унижение в Чечне, были беспредельны. Ученики услышали тогда из уст учителя фразу: «Выходит, народ-то наш — быдло». В этих словах Кузьмина не было презрительной интонации — одна печаль, а его отношение к своему народу напоминало теперь чувства человека к любимому близкому родственнику, который ведет беспорядочный образ жизни, разрушая себя и не думая о последствиях. А 9 ноября 1996 г. в автомобильной катастрофе погибла младшая дочь А. Г. — Татьяна. В машину, стоявшую на светофоре, в которой находились Таня с мужем, сзади на полной скорости врезался другой автомобиль. Дочь погибла, две девочки остались без матери, а старик-отец без опоры. Светлая, жизнелюбивая и всегда веселая Таня была очень близка с отцом. Если старшая, Ирина, жившая в Рязани, избрала профессию медика и стала кандидатом медицинских наук²²⁶, то Татьяна пошла по стопам отца (разумеется, с поправкой на то, что она выросла в семье профессора) — с отличием окончила французскую спецшколу, исторический факультет МГУ, защитив дипломную работу по Галлии VI в. (сказался интерес А. Г. к кельтам), работала в Отделе рукописей Ленинской библиотеки (одно из мест, куда А. Г. Кузьмин неизменно направлял трудиться своих учеников), здесь ее научные интересы поменялись — в феврале 1997 г. должна была состояться защита Т. А. Назаровой кандидатской диссертации о Ю. Ф. Самарине (опять же влияние образа мыслей отца). Посмертно учениками А. Г. и друзьями Татьяны Г. В. Аксеновой и В. А. Волковым была подготовлена к печати ее книга, отец написал к ней краткое предисловие²²⁷. Но вряд ли эта книга, изданная ставшим к 1998 г. стандартным тиражом в 500 экземпляров, была утешением для близких. По существу А. Г. Кузьмин остался один (профессор овдовел еще в 1987 г.). Ученики, продолжавшие окружать учителя, не могли заменить ему дочь.

В этих тяжелых условиях А. Г. сделал попытку вновь модернизировать свою концепцию происхождения имени и народа русов. С Приднепровской Русью все было ясно. О Дунайской и Поморской Руси им было много написано ранее, кроме того русами на Балтике начал активно заниматься его ученик В. В. Фомин (кандидатская диссертация — 1997 г., докторская — 2005-й). Еще одна, Причерноморская Русь внимание А. Г. Кузьмина особо не привлекала, хотя и упоминалась в работах уже давно (А. Г. локализовывал ее где-то в Восточном Крыму и на Таманском полуострове²²⁸). Теперь интересы профессора меняются — Подунавье, которое он совсем недавно считал главным объектом исследований, вдруг отходит на второй план, зато особое внимание А. Г. начинает уделять поиску корней русов на юге современной России. Такой поворот связан с началом занятий в семинаре у А. Г. Кузьмина студентки Е. С. Галкиной, увлекшейся этой проблемой. В 1998 г. А. Г. решает поспособствовать продвижению ученицы в большую науку и издает с ней в соавторстве статью «Росский каганат и остров русов». Работа вышла в книге «Славяне и Русь: Проблемы и идеи: Концепции, рожденные трехвековой полемикой, в хрестоматийном изложении», изданной совместно издательствами «Флинта» и «Наука». Книга была опубликована в качестве отчета по гранту Российского гуманитарного научного фонда, который получил

²²⁶ Киселев А. Ф. «Я человек слишком российский по своему воспитанию». С. 18.

²²⁷ Назарова Т. А. Общественно-политические взгляды Ю. Ф. Самарина. М., 1998.

²²⁸ Кузьмин А. Г. Пути проникновения христианства на Русь // Великие духовные пастыри России. М., 1999. С. 20.

профессор. Основные содержания книги составили два раздела: «Ученые мнения и легенды о славянской прародине» (выдержки из книг и статей (всего 19 наименований) исследователей XVIII-XX вв. от В. Н. Тагищева до Б. А. Рыбакова, касавшихся проблемы происхождения и прародины славян) и «Борьба за киевское наследие» (вводная статья Кузьмина, посвященная выяснению того, кого подразумевали под именем варягов русские в XVI в., и, затем, отрывки из произведений авторов XVIII-XX вв., посвященные проблеме возникновения имени и народа русов). В качестве приложения, кроме статьи, написанной в соавторстве с Галкиной, была вновь опубликована статья «Руги и русы на Дунае».

Соавторы, обратив внимание на известное сообщение Бертинских анналов о прибытии в 839 г. к Людовику Благочестивому послов от «хакана росов», оказавшихся «свеонами», пришли к выводу, что искать «Росский каганат» следует на юге России. Киевскую Русь в этом качестве они рассматривать отказались²²⁹. Не видели они его и в уже традиционной Причерноморской (Приазовской) Руси на Тамани, где, как известно, в XI вв. существовала русская Тмутаракань. Ведь располагая каганат русов на Тамани или в Крыму, было бы невозможно «объяснить тот факт, что послы росов не могли вернуться на родину из Константинополя, поскольку традиционные пути были перерезаны «дикими» племенами». Выходит, «Росский каганат» надо искать в отдалении от моря²³⁰. В результате этих поисков южных росов А. Г. Кузьмин и Е. С. Галкина, опираясь на выводы археолога Д. Т. Березовца, отождествляют с населением северной части салтовской культуры, располагавшейся по Северскому Донцу и верховьям Дона, которое, теперь уже следом за археологом И. И. Ляпушкиным, считают аланами²³¹. То, что большинство исследователей второй половины XX в. считало салтово-маяцкую культуру культурой Хазарского каганата (в том числе и Д. Т. Березовец), соавторов не смутило. Следом за Б. А. Рыбаковым они считают, что пространство Хазарского каганата чрезмерно расширено историками, в результате чего в него искусственно были включены самостоятельные государственные образования, среди которых «находилось вполне организованное и достаточно мощное государственное образование» — «Росский каганат»²³². Что же касается «свеонов», выступавших в качестве послов кагана росов, то их присутствие в составе посольства указывает «на включенность салтовцев в торговлю по Волго-Балтийскому пути. Очевидно, именно с Балтики к салтовцам попадает янтарь»²³³.

²²⁹ Галкина Е. С., Кузьмин А. Г. Росский каганат и остров русов // Славяне и Русь: Проблемы и идеи: Концепции, рожденные трехвековой полемикой, в хрестоматийном изложении. М., 1998. С. 458.

²³⁰ Там же. С. 458.

²³¹ Там же. С. 458-461.

²³² Там же. С. 461.

²³³ Там же. С. 461.

Читателям статьи был предложен уже не просто еще один анклав русов — очередная «Русия». На средневековой карте Европы вдруг, непонятно откуда, появилась целая «росская» империя, доселе неоткрытая, сопоставимая (если не превосходящая) по размерам с Хазарским каганатом.

Приписав уничтожение «Росского каганата» хазарам, привлечшим на свою сторону венгров, в 830-х гг.²³⁴, А. Г. Кузьмин и Е. С. Галкина расселяют уцелевших русов-алан (как и ранее русов-ругов) по Европе. Например, одним из «преемников» «Росского каганата» они считают «разбойный» «остров русов». Искать его предлагается «прежде всего на Волго-Балтийском пути»²³⁵. Вместо Рюгена (как это было в 1970-х гг.) им оказывается «нынешний эстонский Сааремаа» — остров «размером в три дня пути, у которого вроде бы вообще нет названия», поскольку «Сааремаа» буквально означает — «островная земля»²³⁶. Из текста исследования так и остается неясным, как и когда аланская Русь пробирается в Прибалтику. Содержатся лишь ссылки на предания об исходе норманнов с Танаиса-Дона (при этом читателю намекают: на самом деле, речь тут идет не о норманнах), и еще авторы сожалеют, что в распоряжении исследователей нет «серьезных археологических исследований», которые бы точно все прояснили²³⁷. Речь идет о небольшом промежутке времени: в 839 г. еще упоминается «Росский каганат», затем возникает его преемник — «остров русов», который вряд ли «просуществовал дольше жизни одного поколения», ведь «уже к рубежу IX-X вв. появляется рассказ о трех «видах» русов», одним из которых является Киев, куда балтийских русов приводит Олег²³⁸.

Но как быть с появлением в Прибалтике русов-алан, если ранее профессор размещал там ругов (их он также именовал «рутенами») и варинов? В статье 1998 г. на этот счет делается следующее уточнение: «Рутенов с острова Рюген датчане звали «Ре» или «Рены» («рыжие», «красные»). С этим обозначением, видимо, связано и все разнообразие написаний этнонима ругов в разных языках и диалектах. Рутенами же они именовали именно аланскую Русь»²³⁹. В общем, получилось, что аланы-русы и руги-русы — это как бы «две разные ветви будущих русов, историческими судьбами объединявшиеся на славянской и славяноязычной почве». Правда, за этим тезисом авторы статьи поставили знак вопроса, отметив, что ответ на него «выходит за рамки настоящей работы»²⁴⁰.

Статья оставляет тягостное впечатление. В написанном в 1998 г. слишком ощущается кризис, охвативший концепцию А. Г. Кузьмина, перегруженную предположениями, поправками, дополнениями, позднейшими наслоениями, слишком чувствуется некое общее неблагополучие. Казалось, что создатель концепции на каком-то этапе просто запутался в разнообразных «Русиях», которые ему нужно было зачем-то обязательно объединить в один народ, и утратил чувство реальности. Напомню, что сначала А. Г. видел в русах славян, населявших Русскую землю в узком смысле — Киевщину. Затем к русам Приднепровья прибавляются русы-варяги с южного берега Балтики, с их центром на Рюгене. Поначалу это по-прежнему славяне, но чуть

²³⁴ Там же. С. 462-463.

²³⁵ Там же. С. 465.

²³⁶ Там же. С. 466.

²³⁷ Там же. С. 470-472.

²³⁸ Там же. С. 465-475.

²³⁹ Там же. С. 468.

²⁴⁰ Там же. С. 476. Замечу, что в дальнейшем «Славяне и Русь» выдержали несколько изданий, а Е. С. Галкина продолжила поиски своего «вымышленного царства» и в 2002 г. защитила о «Русском каганате» кандидатскую диссертацию. В 2006 г. она защитила уже докторскую диссертацию.

позже Кузьмин разглядел в них кельтов-рутенов. А широкое распространение кельтов в Европе в раннее средневековье позволило исследователю объяснить и не менее широкое распространение здесь топонимов с корнем «рус»-«рос». «Русий» сразу стало больше. Правда, позднее, увлекшись созвучиями, А. Г. обратил внимание на ругов и Ругиланд, и заселил Европу уже ругами-русами также, как ранее расселил по ней кельтов. Анклавы ругов покрыли территорию Европу, на карте которой теперь появился уже десяток разноэтничных «Русий». А затем эта картина была дополнена аланским «Росским каганатом». Теперь уже аланы пробирались по Европе к основному пункту своего назначения — острову Сааремаа на Балтике. Любопытно, что за время своих изысканий А. Г. Кузьмин не отказался ни от одного своего построения о русах, он стремился как бы присоединить к уже существующим «Русиям» все новые и новые, постепенно заселяя разноэтничными русами-ругами-рутенами-росами земли Европы, и стараясь установить между всеми их анклавами какие-то связи. На громадном историческом полотне, где широкими мазками А. Г. пытался изобразить свою «Русь изначальную», в результате оказалось много любопытных и ярких деталей (отдельных мыслей и наблюдений автора), интересен и необычен был взгляд на предмет. Оказалось, что на избитую тему можно написать нечто оригинальное. Безусловно, высоко следовало оценить саму поставленную проблему, написанное можно было воспринимать по частям, что-то все-таки принимая. Но, в совокупности, результат выглядел слишком громоздко. В единую картину изображенное на полотне не складывалось и, как ни грустно, впечатление (особенно после появления последнего наслоения), на которое рассчитывал автор, у зрителей (по крайней мере, у знатоков) при просмотре не возникало.

Между тем к началу XXI в. А. Г. Кузьмин остался, вероятно, единственным русским историком, который на протяжении многих десятилетий продолжал отстаивать антинорманистскую точку зрения. Именно в этом качестве его и пригласили на конференцию «Рюриковичи и российская государственность», проходившую 24-26 сентября 2002 г. в Калининграде. Состав участников конференции неприятно поразил профессора. На два десятка состоявшихся докладов, авторов которых он определил как норманистов, приходилось лишь три доклада их оппонентов — самого А. Г. Кузьмина, его ученика В. В. Фомина и совместный доклад директора Института российской истории РАН А. Н. Сахарова (который вдруг активизировался в роли антинорманиста) и Н. М. Рогожина (специалиста по русской истории XVII в.). Теперь уже нельзя было, как полтора десятилетия ранее, заявить, что норманизм в отечественной науке — удел меньшинства. Вернувшись в Москву, антинорманисты решили опубликовать расширенные варианты текстов своих выступлений, для чего обратились к И. А. Настенко — издателю-энтузиасту, который ранее принимал активное участие в борьбе против «Новой хронологии» Фоменко и Носовского, а теперь решил со свойственным ему пылом обрушиться на «очередную ересь» — норманизм. Именно И. А. Настенко и В. В. Фомин придали замыслу размах и развернули активную деятельность, стремясь подготовить к изданию труд, который мог, по их мнению, раскатать установившееся в науке положение, вызвав новую дискуссию. В результате в 2003 г. был опубликован сборник «Антинорманизм», для участия в котором было привлечены еще несколько начинающих исследователей²⁴¹. А. Г. Кузьмину в сборнике принадлежали две объемные, несколько сумбурные статьи «Два вида русов в юго-восточной Прибалтике» и «Облик современного норманизма», которым, как и всем прочим материалам, опубликованным в «Антинорманизме», присущи излишняя политизированность и нетерпимое отношение к оппонентам (Е. А. Мельниковой,

²⁴¹ Сборник Русского исторического общества. Т. 8 (156). Антинорманизм. М., 2003.

В. Я. Петрухину и особенно А. В. Назаренко). Изменить ситуацию в науке этот сборник, конечно, не мог, более того из его материалов явно следовало, что, несмотря на свою немногочисленность, у участников-антиинорманистов имеются существенные расхождения во взглядах. В известной мере А. Г. Кузьмин, доказывавший существование в Европе в период средневековья более десятка разноэтничных «Русий», «с которыми и надо разбираться»²⁴², всех примирял.

В сентябре 2003 г. А. Г. исполнилось 75 лет. Профессор часто недомогал, и неблагоприятное физическое состояние усугубляло то угнетенное состояние духа, в котором Кузьмин пребывал уже долгие годы. В будущее он смотрел с пессимизмом. Его не заинтересовало некое предложение о сотрудничестве, которое, как рассказывал А. Г., ему поступило от «представителей Лужкова». В ноябре 1998 г. мэр Москвы стал лидером свежееобразованной Общероссийской политической общественной организации «Отечество». Формально А. Г. Кузьмин оставался председателем своего «Отечества», которое никто не распускал. Судя по всему, люди, продвигавшие политический проект Ю. М. Лужкова, узнав, что какое-то «Отечество» уже существует, то ли задумались о возможности поиграть в преемственность, то ли просто решили изучить ситуацию на предмет устранения всех осложнений и «вышли» на А. Г. Кузьмина. Не вселил в А. Г. никаких надежд на лучшее приход к власти В. В. Путина и обозначившиеся при новом президенте усилия по собиранию развалившейся российской государственности. Захватившего многих энтузиазма Кузьмин не разделял, считая Путина представителем все той же партии власти, разрушавшей страну в 1990-х. Ученики предлагали Кузьмину засесть за мемуары. Его воспоминания о научной «кухне», о деятельности «русской партии» в 1970-1980-х гг. могли стать ценным и интересным источником. Но и эта идея оставила Кузьмина равнодушным. «Для кого писать? — заявил он в ответ, — Неужели вы не понимаете, что через 10 лет России уже не будет!». Ученики в мрачные прогнозы не верили, да и сам Кузьмин в тот год с нетерпением ждал выхода в свет сразу двух своих значительных трудов — двухтомного учебника «История России с древнейших времен до 1618 года» (в издательстве «ВЛАДОС») и большой книги о русах «Начало Руси. Тайны рождения русского народа» (издательство «Вече»). Оба этих сочинения, над которыми автор работал несколько лет, как бы подводили итоги исследований и размышлений профессора, обеспечивая ему и его идеям жизнь в будущем — когда неизбежно прекратилась бы физическая жизнь их создателя²⁴³. То, что конец близок А. Г. Кузьмин, вероятно, ощущал. И расчет, что его будут читать после смерти, свидетельствует о том, что в глубине души у него оставалась надежда на возрождение России. Обе эти публикации автор увидел. А в конце апреля 2004 г. неважно себя чувствовавший А. Г. Кузьмин выехал в Рязань навестить родственников. Там жили его сестры, старшая дочь Ирина, ее семья. Там 9 мая Аполлона Григорьевича Кузьмина не стало.

²⁴² Там же. С. 222.

²⁴³ За год до этого А. Г. Кузьмин опубликовал учебное пособие по источниковедению: Кузьмин А. Г. Источниковедение истории России (с древнейших времен до монгольского завоевания): Учебное пособие. М., 2002.

Источники и литература

1. Аксенова Г. В., Волков В. А. Назарова Татьяна Аполлоновна // Назарова Т. А. Общественно-политические взгляды Ю. Ф. Самарина. М.: Прометей, 1998. С. 165-169.
2. Воронин И., Конюхов К. Возрождение «Отечества» // Позитив. 1993. № 6 (90). С. 4.
3. Воронин Н. Н., Кузьмин А. Г. Духовная культура Древней Руси // Вопросы истории. 1972. № 9. С. 111-132.
4. Галкина Е. С., Кузьмин А. Г. Росский каганат и остров русов // Славяне и Русь: Проблемы и идеи: Концепции, рожденные трехвековой полемикой, в хрестоматийном изложении. М.: Флинта, Наука, 1998. С. 456-481.
5. Есть ли будущее у социализма? // Наш современник. 1991. № 7. С. 122-133.
6. Зимин А. А. О методике изучения древнерусского летописания // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. 1974. Т. 33. № 5. С. 454-464.
7. Зимин А. А. Храм науки (Размышления о прожитом). Москва, 1976 // Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX века. М. Аквариус, 2015. С. 35-384.
8. Златоструй. Древняя Русь. X-XIII вв. / Сост., авторский текст, коммент. А. Г. Кузьмина, А. Ю. Карпова. М.: Молодая гвардия, 1990.
9. К семидесятилетию выдающегося русского историка А. Г. Кузьмина // Сборник Русского исторического общества. Т. 9 (157). М.: Русская панорама, 2003. С. 320-322.
10. Карпов А. Ю. Несостоявшийся визит. М.: Молодая гвардия, 2006.
11. Киселев А. Ф. «Я человек слишком российский по своему воспитанию» // Великие духовные пастыри России. М.: ВЛАДОС, 1999. С. 5-18.
12. Кобрин В. Б. Кому ты опасен, историк? М.: Московский рабочий, 1992.
13. Королев А. С. Проблема происхождения имени и народа русов // В поисках истины: ученый и его школа. М.: Прометей, 2012. С. 257-359.
14. Кочин Г. Е. Берестяные грамоты // Советское источниковедение Киевской Руси. Историкографические очерки. Л.: Наука, 1979. С. 57-62.
15. Кузьмин А. Г. Адашев и Сильвестр // Великие государственные деятели России. М.: ВЛАДОС, 1996. С. 125-146.
16. Кузьмин А. Г. Болгарский ученый о советской историографии начала Руси («Исторически преглед». София. 1970, кн. 3) // Вопросы истории. 1971. № 2. С. 186-188.
17. Кузьмин А. Г. «Варяги» и «Русь» на Балтийском море // Вопросы истории. 1970. № 10. С. 28-55.
18. Кузьмин А. Г. Две концепции начала Руси в Повести временных лет // История СССР. 1969. № 6. С. 81-105.
19. Кузьмин А. Г. Древнерусские исторические традиции и идейные течения XI века // Вопросы истории. 1971. № 10. С. 54-76.
20. Кузьмин А. Г. Заголовки и киноарные заметки на полях рукописи Симеоновской летописи // Вестник Московского университета. Серия IX: История. 1961. № 5. С. 70-79.
21. Кузьмин А. Г. Заметки историка об одной лингвистической монографии // Вопросы языкознания. 1980. № 4. С. 51-59.
22. Кузьмин А. Г. Западные традиции в русском христианстве // Введение христианства на Русь. М.: Мысль, 1987. С. 21-54.
23. Кузьмин А. Г. Рец.: И. А. Бронджерс. Аэрофотосъемки и исследование кельтских полей в Нидерландах // Вопросы истории. 1978. № 12. С. 193-195.
24. Кузьмин А. Г. Ипатьевская летопись и «Слово о полку Игореве» (по поводу статьи А. А. Зиминой) // История СССР. 1968. № 6. С. 64-87.
25. Кузьмин А. Г. Рец.: Истоки культовых особенностей западнославянских языческих храмов // Вопросы истории. 1980. № 4. С. 165-166.

26. Кузьмин А. Г. Истоки русского национального характера // Вестник Московского университета. Серия 8, История. 1993. № 5. С. 13-22.
27. Кузьмин А. Г. Исторические романы Валентина Иванова // Иванов В. Повести древних лет. Хроники IX века. В четырех книгах одиннадцати частях М.: Современник, 1986. С. 445-473.
28. Кузьмин А. Г. Источниковедение истории России (с древнейших времен до монгольского завоевания): Учебное пособие. М.: Прометей, 2002.
29. Кузьмин А. Г. К вопросу о времени создания и редакциях Никоновской летописи // Археографический ежегодник за 1962 год. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 111-120.
30. Кузьмин А. Г. К вопросу о происхождении варяжской легенды // Новое о прошлом нашей страны. Памяти академика М. Н. Тихомирова. М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1967. С. 42-53.
31. Кузьмин А. Г. К какому храму ищем мы дорогу? (История глазами современника). М.: Современник, 1989.
32. Кузьмин А. Г. К прочтению текста вводных статей Комиссионного списка Новгородской Первой летописи // Археографический ежегодник за 1970 год. М.: Наука, 1971. С. 90-91.
33. Кузьмин А. Г. Кто в Прибалтике «коренной»? М.: Изд-во Писательского акционерного общества, 1993.
34. Кузьмин А. Г. Мародеры на дорогах истории. М.: Русская панорама, 2005.
35. Кузьмин А. Г. Мнимая загадка Святослава Всеволодовича // Русская литература. 1969. № 3. С. 104-109.
36. Кузьмин А. Г. Начальные этапы древнерусского летописания. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 1971.
37. Кузьмин А. Г. Начальные этапы древнерусского летописания. М.: Изд-во МГУ, 1977.
38. Кузьмин А. Г. Некоторые данные по топографии и археологии кремля Переяславль-Рязанского // Краеведческие записки. Рязань: Рязанское книжное издательство, 1959. С. 94-105.
39. Кузьмин А. Г. Об истоках древнерусского права // Советское государство и право. 1985. № 2. С. 110-119.
40. Кузьмин А. Г. Об источниковедческой основе «Истории Российской» В. Н. Татищева // Вопросы истории. 1963. № 9. С. 214-218.
41. Кузьмин А. Г. Об этнической природе варягов (к постановке проблемы) // Геденов С. А. Варяги и Русь. М.: Русская панорама, 2004. С. 576-620.
42. Кузьмин А. Г. Об этнониме «варяги» // Дискуссионные проблемы Отечественной истории. Арзамас: Арзамасский государственный педагогический институт, 1994. С. 4-11.
43. Кузьмин А. Одоакр и Теодорих // Дорогами тысячелетий: Сборник исторических очерков и статей. Кн. 1. М.: Молодая гвардия, 1987. С. 109-129.
44. Кузьмин А. Падение Перуна: (Становление христианства на Руси). М.: Молодая гвардия, 1988.
45. Кузьмин А. Г. Рец.: «Полное собрание русских летописей. Т. 31. Летописцы последней четверти XVII в.». М., «Наука», 1968, 262 с., тир. 2200 экз. Отв. ред. Б. А. Рыбаков. В. И. Буганов, сост. В. И. Буганов, Ф. А. Грекул, В. И. Корецкий, Л. З. Мильгтон // История СССР. 1971. № 1. С. 187-189.
46. Кузьмин А. Г. Предисловие // Откуда есть пошла Русская земля. Век VI-X. / Сост., предисл., введение и документы, коммент. А. Г. Кузьмина. Кн. 1. М.: Молодая гвардия, 1986. С. 5-20.
47. Кузьмин А. Г. Предисловие // Откуда есть пошла Русская земля. Век VI-X. / Сост., предисл., введение и документы, коммент. А. Г. Кузьмина. Кн. 2. М.: Молодая гвардия, 1986. С. 5-34.
48. Кузьмин А. Г. Принятие христианства на Руси // Вопросы научного атеизма. Вып. 25. Атеизм, религия, церковь в истории СССР. М.: Мысль, 1980. С. 7-35.
49. Кузьмин А. Г. Пути проникновения христианства на Русь // Великие духовные пастыри России. М.: ВЛАДОС, 1999. С. 19-43.

50. Кузьмин. А. Г. Рец.: Р. Я. Денисова. Антропология древних балтов // Вопросы истории. 1979. № 3. С. 156-159.
51. Кузьмин А. Г. Руги и русы на Дунае // Средневековая и новая Россия. Сборник научных статей. К 60-летию профессора И. Я. Фроянова. СПб. : Изд-во СПб-го ун-та, 1996. С. 130-147.
52. Кузьмин А. Г. Русские летописи как источник по истории Древней Руси. Рязань: Изд-во Рязанского ГПИ, 1969.
53. Кузьмин А. Г. Русь в поэзии Николая Рубцова // Русский язык, культура, история: Сборник материалов II научной конференции лингвистов, литературоведов, фольклористов. Ч. II. М.: МПГУ, 1997. С. 96-104.
54. Кузьмин А. Г. Русь в современной исторической науке // Тысячелетие Крещения Руси. Международная церковно-историческая конференция. Киев, 21-28 июля 1986 года. Материалы. М.: Изд-во Московской Патриархии. 1988. С. 90-95.
55. Кузьмин А. Г. Рязанское летописание. (Сведения летописей о Рязани и Муроме периода их самостоятельности). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1963.
56. Кузьмин А. Г. Рязанское летописание. Сведения летописей о Рязани и Муроме до середины XVI века. М.: Наука, 1965.
57. Кузьмин А. Г. Скептическая школа в русской историографии // Некоторые вопросы краеведения и отечественной истории. Ученые записки Рязанского государственного педагогического института. Т. 62. Рязань: Изд-во Рязанского ГПИ, 1969. С. 306-330.
58. Кузьмин А. Г. «Слово о полку Игореве» о начале русской земли // Вопросы истории. 1969. № 5. С. 53-66.
59. Кузьмин А. Г. Спорные вопросы методологии изучения русских летописей // Вопросы истории. 1973. № 2. С. 32-53.
60. Кузьмин А. Г. Статья 1113 года в «Истории Российской» В. Н. Татищева // Вестник Московского университета. Серия IX: История. 1972. № 5. С. 79-89.
61. Кузьмин А. Г. Существует ли проблема тмутараканского камня // Советская археология. 1969. № 3. С. 278-283.
62. Кучкин В. А. Был ли Русский Север Варягией в праиндоевропейское время? // Российская история. 2010. № 4. С. 192-207.
63. Лебедев С. В. Русские идеи и русское дело. Национально-патриотическое движение в России в прошлом и настоящем. СПб.: Алетейя, 2007.
64. Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича. Александр-Невская летопись. Лебедевская летопись. (ПСРЛ. Т. XXIX). М.: Знак, 2009.
65. Лихачев Д. С. К статье А. Г. Кузьмина «Мнимая загадка Святослава Всеволодовича» // Русская литература. 1969. № 3. С. 110.
66. Лихачев Д. С., Янин В. Л., Лурье Я. С. Подлинные и мнимые вопросы методологии изучения летописей // Вопросы истории. 1973. № 8. С. 194-203.
67. Ловмянский Г. Руссы и руги // Вопросы истории. 1971. № 9. С. 43-52.
68. Лурье Я. С. Избранные статьи и письма. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2011.
69. Лурье Я. С. Изучение русского летописания // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. 1. Л.: Наука, 1968. С. 4-32.
70. Лурье Я. С. Национализм и русская историография XX века // Национальная правая прежде и теперь. Историко-социологические очерки. Ч. II. Российская консервативная идеология и современность. Вып. 1. СПб.: Институт социологии РАН, 1992. С. 19-40.
71. Лурье Я. С. О возможности и необходимости при исследовании летописей // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР. Т. 36. Л.: Наука, 1981. С. 13-36.

72. *Митрохин Н.* Русская партия: Движение русских националистов в СССР. 1953-1985 годы. М.: Новое литературное обозрение, 2003.
73. *Назаренко А. В.* Имя «Русь» и его производные в немецких средневековых актах (IX-XIV вв.) // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1982 г. М.: Наука, 1984. С. 86-129.
74. *Назаренко А. В.* Русь и Германия в IX-X вв. // Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования. 1991 год. М.: Наука, 1994. С. 5-138.
75. *Назарова Т. А.* Общественно-политические взгляды Ю. Ф. Самарина. М.: Прометей, 1998.
76. Отечество. Материалы конференции Московского городского добровольного общества русской культуры. М.: Молодая гвардия, 1989.
77. *Перевезенцев С. В.* Русский характер. К 80-летию со дня рождения А. Г. Кузьмина // Наш современник. 2008. № 9. С. 175-186.
78. *Примаков Е. М.* Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами (вторая половина XX – начало XXI века). М.: ИИК «Российская газета», 2006.
79. Сборник Русского исторического общества. Т. 8 (156). Антиноманизм. М.: Русская панорама, 2003.
80. Сведения иностранных источников о руси и ругах // Откуда есть пошла Русская земля. Век VI-X. / Сост., предисл., введение и документы, коммент. А. Г. Кузьмина. Кн. 1. М.: Молодая гвардия, 1986. С. 664-682.
81. Се Повести временных лет (Лаврентьевская летопись) / Сост., авторы примечаний и указателей А. Г. Кузьмин, В. В. Фомин; вступительная статья и перевод А. Г. Кузьмина. Арзамас: Изд-во Арзамасского государственного педагогического института, 1993.
82. Список научных трудов Аполлона Григорьевича Кузьмина // Великие духовные пастыри России. М.: ВЛАДОС, 1999. С. 487-494.
83. Список научных трудов Аполлона Григорьевича Кузьмина // Судьба России в современной историографии. Сборник научных статей памяти доктора исторических наук, профессора А. Г. Кузьмина. М.: Прометей, 2006. С. 615-626.
84. *Тихомиров М. Н.* О русских источниках «Истории Российской» // *Татищев В. Н.* История Российская. Т. 1. М.: Ладомир, 1994. С. 39-53.
85. *Чекурин Л. В.* Аполлон Кузьмин: в студенческие и профессорские годы // Научное наследие А. Г. Кузьмина и отечественная история: Материалы Всероссийской научной конференции «Историческая память народа и духовно-нравственные основы личности», посвященной памяти и 80-летию со дня рождения проф. А. Г. Кузьмина, 17-19 сентября 2008 года. Рязань: Изд-во Рязанского государственного университета, 2009. С. 11-19.
86. *Черепнин Л. В.* Спорные вопросы изучения Начальной летописи в 50-70-х годах // История СССР. 1972. № 4. С. 46-64.
87. *Чистякова Е. В.* Михаил Николаевич Тихомиров (1893-1965). М.: Наука, 1987.
88. *Шаскольский И. П.* Антиноманизм и его судьбы // Проблемы отечественной и всеобщей истории. Вып. 7. Генезис и развитие феодализма в России. Проблемы историографии. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1983. С. 35-51.
89. *Шаскольский И. П.* Норманская теория в современной буржуазной науке. М., Л. Наука, 1965.